Л·И·ЕМЕЛЯХ

Происхождение христианских таинств

Л·И·ЕМЕЛЯХ

Происхождение христианских таинств

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1978

29
Е60

Емелях Л. И.

Е60 Происхождение христианских таинств. М., «Сов. Россия», 1978.
128 с.

Православное и католическое духовенство утверждает, что с первых дней своего возникновения церковь признавала семь важнейших христианских «таинств» — крещение, причащение, миропомазание, покаяние, венчание, соборование и священство. Так под влиянием священнослужителей думают и верующие люди.

А что говорят по этому поводу ученые, исследовавшие многочисленные исторические документы? Что думают служители культа, посвятившие многие годы своей жизни служению богу и порвавшие с религией?

Об этом и расскажет автор.

Е $\frac{10509-041}{М\text{-}105(03)78}$ 37—77 29

Глава первая

БЫВШИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ БОГОСЛОВ О ХРИСТИАНСКИХ ТАИНСТВАХ

ПУТЬ К ДУХОВНОЙ СВОБОДЕ

6 декабря 1959 года профессор Ленинградской духовной академии магистр богословия, протоиерей Александр Александрович Осипов опубликовал в газете «Правда» большое письмо, в котором объяснял, почему он порывает с религией и церковью. В частности, он писал:

«Я ушел из мира, который теперь понимаю как мир иллюзий, отхода от реальности, а часто и сознательного обмана во имя обогащения, отошел, имея за плечами 48 лет жизни, из которых почти 25 лет простоял на средних командных постах православной церкви... Углубленное, подлинно научное изучение религии дало моему формировавшемуся многие годы атеизму то последнее звено, которого мне недоставало. Все у меня встало на свое место. Мир религии представился единым процессом развития превратных представлений и суеверий, отражением земных отношений в пустых небесах, где нет места никаким высшим духовным силам. От «причастия святых тайн» корни протянулись к диким кровавым обрядам первобытных народов, священники и архиереи побратались с шаманами... Я все яснее стал сознавать, что только полный разрыв с религией может примирить меня с моей совестью и дать право считать себя честным человеком».

А. А. Осипов тридцать один год жизни — с осени 1928 года, когда он стал активным деятелем религиозных

кружков зарубежного «Русского студенческого христианского движения» в буржуазной Эстонии, и до 2 декабря 1959 года, когда в сане протоиерея и в звании профессора кафедры священного писания Ветхого завета ленинградских православных духовных академий и семинарии сложил с себя сан, отрекся от религии и церкви,— был глубоко верующим человеком.

Александр Александрович родился 10 ноября 1911 года в Таллине (Ревеле) в семье банковского служащего. Учился в русской частной гимназии. В 1935 году окончил православное отделение богословского факультета Тартуского университета и в 1936 году получил степень кандидата и магистра богословия. В 1936—1940 годах был миссионером больниц, богаделен, тюрем, приходов; служил священником и настоятелем русских высших богословских курсов. С 1939 по 1941 год — вначале член епархиального совета, а затем секретарь экзархата Московской патриархии в Прибалтике.

За таллинский период А. А. Осипов напечатал 65 статей, рассказов и стихотворений и 10 книжек и брошюр, в том числе книгу стихотворений, пьесу для юношества, описание путешествия на Старый Валаам в Финляндию и несколько богословских сочинений.

27 июня 1941 года А. А. Осипова призвали в Советскую Армию. Служил старшиной в тыловой части в Перми. После демобилизации, с мая 1942 года, был три года священником пермского Новокладбищенского прихода. В ноябре 1944 года А. А. Осипов вновь стал настоятелем Казанской церкви в Таллине и секретарем епархиального управления.

С августа 1946 года по ноябрь 1959 года — он один из ведущих деятелей Ленинградской духовной академии и семинарии. В 1948 году, руководя восстановлением разбитого немецкой авиабомбой здания академии, сильно по-

вредил ногу. В 1955—1956 годах — редактор издания Библии. В «Журнале Московской патриархии» он опубликовал 33 статьи и заметки.

С 1949 по 1959 год А. А. Осипов под воздействием социалистической жизни в нашей стране, под влиянием изучения советской исторической и философской литературы пережил кризис мировоззрения, пересмотрел свои богословские взгляды и пришел к атеизму.

После отхода от религии и церкви А. А. Осипов с 1960 года по сентябрь 1963 года работал в Ленинграде в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, с ноября 1963 года — научным сотрудником Музея истории религии и атеизма. Обладая ораторскими и литературными способностями, Александр Александрович посвятил последние годы своей жизни неутомимой пропаганде научного атеизма. Только в 1965—1966 годах Осипов прочел 246 докладов и лекций. Он написал множество статей, брошюр и книг. Наиболее известны его сочинения «Катехизис без прикрас», «Путь к духовной свободе», «Продолжаем разговор с верующими», «Человек на ложном пути», «Евангелие от ... иезуита», «Женщина под крестом», «Спасы», «Страдание и христианство».

В день похорон А. А. Осипова, 28 октября 1967 года, состоялась гражданская панихида. Она закончилась прослушиванием записанного на магнитофонную ленту его завещания.

История этой записи такова.

Незадолго до кончины А. А. Осипова по Ленинградскому радио проходила передача из цикла «Наука и жизнь». Она была посвящена теме «Путь к духовной свободе». Диктор говорил о том, что каждый человек должен найти подлинный смысл жизни, что настоящее бессмертие люди обретают своими делами на земле. В этой

передаче участвовал и А. А. Осипов. В это время он был уже неизлечимо болен, и выступление его было записано на магнитофон в больничной палате.

Александр Александрович сказал:

«Здравствуйте, друзья! Эта передача с больничной койки... Когда-то на лекции мне была передана записка: «Смотри, анафема, когда тебя будет есть рак, напрасно будешь стучаться в небеса».

Я тогда ответил, что видел пять архиереев и целый ряд протоиереев и иереев, больных этой суровой болезнью. За них молились церкви, епархии, бесчисленные толпы верующих. Но если они порой получали отсрочку в жизни, то милостями хирургов-онкологов, рентгенологов, но никак не милостью свыше. И самые проникновенные мольбы и литургии, причастие тела и крови господней, соборования не могли хотя бы на сутки отсрочить их смерть.

И тем не менее живет среди верующих молва, что-де богу не всегда удается привлечь человека милостями, зато уж бедами да грозами он человека на колени ставит непременно...

И не думают люди, как отталкивающе страшен тогда этот бог, если кнутом и орудиями пыток он умеет добиваться лучших успехов, чем добром и лаской.

Вот почему мы, атеисты, говорим — хорошо, что бога нет. Ибо таким, каким его рисует религия, он, если бы существовал, кроме горя, не мог бы дать миру ничего...

Стоило мне заболеть — и понеслись слухи: «Бог наказал, вразумляет», «Осипов уже кается», «Лежит в больнице, молитвенника из рук не выпускает»...

Вот ко мне уже в больницу одну спасительницу посылали. Прорывалась, кричала на весь коридор о том, что пора Осипову образумиться, бог-де, может, не так еще покарает. Сестры отбились... Нет, люди добрые, не обма-

нывайтесь, не принимайте желаемого за сущее. Это народ в пословице еще отметил, что голодной кошке сливки снятся. Я не каюсь и не молюсь. Вот сейчас на постели моей лежат не молитвенник, а журналы «Наука и религия», «Наука и жизнь», первый выпуск «Атеистических чтений»...

Друзья и недруги, атеизм для меня убеждение, внесшее свет и ясность в мою жизнь, а не конъюнктурное искание теплого места. Найдя свет правды, я остаюсь верен ей. И в муках болезни, и в опасностях смерти, и в радостях или невзгодах жизни.

Выстраданный мною путь к духовной свободе не меняют как платье. Мой атеизм — свет жизни моей. Я буду верен ему, пока открыты глаза, пока дышит грудь. Ибо знать правду — это такая радость, которую и на одре болезни я могу только пожелать каждому человеку, если он хочет быть достойным этого самого высокого на земле звания.

Будьте здоровы, друзья. Не болеть и вам, нынешние недруги мои. Да познаете вы свет человеческий, свет правды, перед которым болотным огнем, тусклым и призрачным, покажется вам очаровывающий вас сегодня так называемый свет Христов.

До свидания».

Вот с какими мужественными мыслями умирал А. А. Осипов.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТАИНСТВАХ

Сотрудники Музея истории религии и атеизма часто навещали своего товарища А. А. Осипова в больнице. В беседах со мною Александр Александрович неоднократно говорил о моей брошюре «Происхождение хрис-

тианских таинств», опубликованной в 1966 году. В ней рассказывалось о семи важнейших обрядах православного культа: о крещении, причащении (евхаристии), миропомазании, покаянии (исповеди), браке (венчании), елеосвящении (соборовании) и священстве.

А. А. Осипов вспоминал свои размышления о христианских таинствах, изложенные им в книгах «Катехизис без прикрас», «Женщина под крестом» и других.

Я решила записать эти интересные рассуждения Александра Александровича, сложившиеся у него в результате многолетнего отправления православного культа, изучения богословской и атеистической литературы. Там, где было возможно, я сверила запись с тем, что писал А. А. Осипов о христианских таинствах в своих статьях, брошюрах и книгах и соответственно опубликованным текстам отредактировала ее.

Александр Александрович рассказывал:

— Православное и католическое духовенство поучает, что с первых дней своего возникновения церковь признавала семь христианских таинств. Это не соответствует действительности.

Таинства складывались в церкви постепенно, по мере развития культа и формирования церковного учения. Так, обряд таинства брака был окончательно выработан только в VI веке. А в первые века христиане пользовались гражданскими формами заключения брака, бытовавшими в Римской империи.

Катехизис — краткое изложение истин веры православной — определяет суть таинств так: «Таинство есть священное действие, чрез которое тайным образом действует на человека благодать».

Откуда взялись в церкви таинства?

«Их учредил Христос»,— говорит церковь и «притаскивает за волосы» евангельские тексты, чтобы оправдать

эти слова. Так, например, нигде не говорится, что Христос создал таинство брака, но он был, согласно легенде, на свадьбе в Кане, где якобы, пожалев гостей, которым не хватило вина для пьянства, совершил «чудо» и сделал воду вином. Этого алкогольного «чуда» оказалось достаточно, чтобы объявить, что Христос своим присутствием «освятил брак». Хотя он никакого таинства брака не учредил.

Еще хуже обстоит дело с таинством елеосвящения. Об обычае помазывать маслом больных упоминает не Евангелие, а одно из апостольских посланий (Иакова). И тем не менее из этого также пытались вывести, что оно — таинство Христово.

Наука отвергает церковное объяснение происхождения христианских таинств и дает верное объяснение их возникновения. В глубочайшей древности люди создали магию — колдовство, с помощью которой пытались воздействовать на природу. Магия была широко распространена и имела много форм. Она мешала людям познавать истинные закономерности природы и, как всякое суеверие, тормозила развитие подлинного познания окружающего мира. В годы, когда зарождалось христианство, магия пронизывала почти все. Не прошли мимо нее и первые христиане. Два их главнейших обряда — крещение и причащение — основаны на этой магии.

КРЕЩЕНИЕ И МИРОПОМАЗАНИЕ

В период возникновения христианства в Палестине была секта ессеев, у которой очень много заимствовали первые христиане. Ессеи совершали магические омовения, воображая, что тем самым они «отмывают» от зла и свою душу. Магические действия совершаются по принципу

сходства, внешней похожести. Некоторые племена лили на землю воду во время засухи, надеясь, что это вызовет дождь.

Магический обряд омовения ессеев, как и такие же обряды в других религиях, и послужили основой таинства крещения, в котором, по учению церкви, «верующий при троекратном погружении тела в воду, с призыванием бога-отца, и сына, и святого духа умирает для жизни плотской, греховной и возрождается от духа святого в жизнь духовную, святую». Омовение тела будто бы дает и омовение души, а омовение три раза как бы обозначает присутствие благодати самой святой троицы. К этому магическому суеверию церковь присоединяет и ряд других элементов магии по аналогии. Но о них пойдет речь далее.

Мы считаем рождение ребенка великим торжеством, радостью. А по Библии — это нечистый акт. Если верить Библии, бог сам повелел людям плодиться и размножаться. Таким образом, он сам создал действие, им же объявляемое нечистым. Ежегодно 15 февраля церковь отмечает праздник сретения — день, когда богородица, легендарная мать легендарного евангельского «сына божия», якобы приходила брать молитву очищения от своей нечистоты.

Христиане именуют деву Марию в молитвах пречистой, но и она не избежала женского унижения. Впрочем, как говорят евангельские легенды, она и во время проповедей своего сына стояла только в стороне, за толпой.

Верующие женщины, следуя этому порочащему их закону, и в наши дни приходят в храм брать «очистительную» молитву, не смея до этого присутствовать даже при крещении собственных детей.

До сих пор сохраняется порядок, при котором только младенца мужского пола священник вносит в алтарь, а

девочку, как нечто второразрядное, кладет на пол перед иконостасом около изображения богородицы.

...Отошла обедня. Начали расходиться верующие. Монашка-прислужница в черном платочке протащила в угол притвора купель. Другая опрокинула в нее два ведра чуть подогретой воды и, деловито вплавив в гнезда на краю купели тоненькие «восковые» свечки, придвинула сюда же аналой.

Несколько женщин сгрудились рядом.

— Распаковывайте младенцев! — указала монашка на скамейку вдоль стены.— Скоро отец Игнатий выйдет. Купили по пять свечек-то?

— А зачем же, милая, по пять-то? — робко осведомилась одна женщина.— У купели уже есть... Одной, поди, хватит? Не одни мы крестим-то!

— А храм ремонтировать надо? Персонал оплачивать надо? Да что мне тут балясы-то точить с тобою? Никто тебя в церковь не тянет, не старые времена. Не хочешь — не крести. Только потом не вой, если нехристем дите твое помрет или крикуном болящим заделается. Спать не будет и вам не даст.

Женщина не стала спорить и, положив ребенка на лавку, вернулась к свечной кассе.

В облачении, но с засученными рукавами, с крестом, Евангелием, Требником и крестильным ящиком подошел очередной дежурный по требам священник.

Женщины с младенцами в руках выстроились вокруг купели и аналоя широким кругом. У двоих было по два ребенка — новорожденный и четырех-пятилетний. В накинутых на голое тело пальтишках, они были явно испуганы и таращили глазенки на странного бородатого человека в парчово-золотом мешке без рукавов на плечах, сквозь дырку которого была просунута голова, увенчанная чем-то вроде лиловой тумбы.

Началось крещение.

Отец Игнатий нарек младенцев уже давно присвоенными им именами. С двумя, правда, вышел конфуз. Старушка крестная, тетка младенца, на вопрос священника, как думает назвать ребенка, произнесла:

— Майя.

Священник заметил:

— Нет Майи в святцах, старая! Уж ты-то это должна знать, небось в старое, благочестивое время родилась!

— Так не я ж выбирала, батюшка. Родители дали.

— Марией будем крестить.

— Машенька, значит, будет. А я ее Маечкой звать начала.

— Зови хоть кошкой Муркой, а для бога она раба божия Мария... Следующий! Имя?

— Рудольф.

— Почему лютеранское имя дали?

— Отец полярник у него. Когда народился, отец на острове Рудольфа был. Вот в память этого и назвали. Рудольф Палыч! А разве нельзя? Плохо?

— А то не плохо — иностранное имя православному ребенку... Не по-божьему. Святого-то покровителя у младенца не будет.

— Как же,— встревожилась крестная,— без покровителя-то, без ангела?

— Ангел будет. Ангел каждому положен. А святого, чтоб за младенчика пред богом предстательствовал, не будет. До чего народ темный пошел! Ангела от святого отличить не умеют.

— Нельзя, значит, так?

— Ясно, нельзя. Выбери имя, только побыстрее.

— Да я не знаю.

— Ладно, по созвучию назовем Руфином, праведником был, мученическую смерть ради господа принял.

Затем священник начал так называемое «оглашение».

Еще древние люди, не понимая явлений природы, считали, что в мире есть добрые и злые силы, духи. Дикари пытались ограждаться от них всякими колдовскими обрядами и словами. Злых духов они наивно представляли почти материальными существами. Думали, что они могут проникать в человеческий организм через нос, рот, уши. До сего дня некоторые старые люди при зевоте крестят рот. Это и есть колдовской знак — «печать», чтобы в это время злой дух (бес, черт) не влез в человека. У некоторых народов существовали представления, что бесы могут влезать и в покойника, что по ночам он будто бы встает и пьет кровь у живых, так как в крови есть-де «сила жизни», которую покойник и пытается заимствовать у людей. И в наши дни кое-где сохранился обычай: особым священным воском «запечатывают», заклеивают ноздри, уши, рот покойников, чтобы не проник злой дух и покойники не превратились в вурдалаков. По существу, такие же дикарские колдовские действия проделываются и священниками во время крещения над детьми.

Казалось бы, что может быть чище младенца?

А священник во время крестин читает: «...отстави от него (нее) ветхую оную прелесть...» Выходит, младенец, и говорить-то не научившийся, полон грязи и нечистоты. Мало того, в нем сидит сам черт. Ведь в молитвах так и читается: «Запрещает тебе господь, диаволе... отыди в свой тартар... отступи от новозапечатленного... изыди от человека, да не к тому нидеши в него».

Кто же он тогда, младенец? То ли он — самое дорогое для матери, чистое существо, которому суждено, может быть, совершить величайшие открытия, то ли «диавольский сосуд» всякой мерзости и нечистоты, каким его представляет религия?

Чем, спрашивается, отличаются эти колдовские дей-

ствия священника от древнего обычая «запечатывания» мертвеца?

Батюшка же переходит к другому виду колдовства и, дуя младенцу в рот, в лоб, в грудь, «выдувает» из него, как колдун какого-нибудь племени дикарей, беса. Да еще приговаривает: «Изжени (т. е. изгони) из него (нее) всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его (ее)...»

Священник говорит о мерзости, которой якобы начинен ребенок: «духа прелести, духа лукавства, духа идолослужения и всякого лихоимства, духа лжи и всякие нечистоты».

Далее «пастырь божий» ставит крестных лицом на запад и заставляет их от лица этого же чистого младенца отрекаться от сатаны, дуть и плевать на него, приобщаться к тому же колдовству. Почему лицом на запад? Древние люди, наблюдая закат солнца, полагали, что там, где гаснет свет, царят ночь и ее страхи, там темное царство этих духов.

Затем священник переходит непосредственно к «таинству крещения». И снова церковь утверждает, что ребенок нечист от самого рождения по самой своей природе, что надо омыть его водой, чтобы очистить «душу» от «духовной нечистоты».

Сразу же после извлечения младенца из купели кисточкой мажут различные части тела, но уже другим маслом, совершая второе таинство — миропомазание. Катехизис говорит о нем так: «Миропомазание есть таинство, в котором верующему, при помазании освященным миром частей тела, во имя святого духа, подаются дары святого духа, возвращающие и укрепляющие в жизни духовной». Помазание лба якобы освящает ум, груди — сердца или желания, глаз, ушей и губ — чувства, рук и ног — все поведение человека. Через приставшее к ребенку масло

к нему будто бы должна пристать благодать, которая-де поможет вырасти порядочным человеком.

Тысяча и десятки тысяч детей, крещеных и некрещеных, вырастают или здоровыми, или больными, послушными или непослушными, хорошими людьми или дурными. И никто не может отличить среди них помазанного от непомазанного. А какими они станут людьми — будет зависеть от воспитания, воздействия на них окружающих, собственных их способностей. В народе еще по сей день бытует поговорка: «Ах ты, такой-сякой, немазаный», отражающая политику церкви, которая натравливала людей одного вероисповедания, скажем православных (мазаных), на представителей другого, скажем лютеран или католиков (немазаных).

В Новом завете ни о каких помазаниях и речи нет. Церковники говорят, что-де первые христиане передавали «благодать» возложением рук на новообращенных, а потом это действие заменилось помазанием по образцу Ветхого завета. Действительно, в Ветхом завете у евреев существовало помазание царей при коронации и первосвященников — при введении в должность (применяли специальный состав — миро). Нечто подобное проделывали и бродячие содружества пророков-фанатиков, когда они принимали в члены своих общин. Подобно сектантам-пятидесятникам, члены этих общин доводили себя до экстаза и галлюцинаций и выдавали (поскольку они почитали себя носителями высших сил) свои сны, мысли, желания, болезненный бред и галлюцинации за откровение свыше. Такой же обычай существовал и у язычников в разных странах. В основе этого таинства лежит все та же магия по сходству.

Древние колдуны, как и ветхозаветные пророки, а в наши дни — православные архиереи и священники,— верили, что в них вселяется дух, через которого они могут

вступить в сношение с «иным миром». Так, сибирские шаманы, доведя себя особыми курениями и исступленными конвульсивными плясками до экстаза, воображали, что их дух в это время посещает небеса, беседует и советуется с одними духами, борется и спорит с другими. О таких же видениях наивно рассказывают и библейские пророки. Особенно Иезекииль, Даниил и Захария. Даниил даже сообщает «рецепты» того, как он вызывал видения: долгий пост, истощение, бессонные ночи в исступленных молитвах и в конце их — не то сон, не то бодрствование, когда человек теряет чувство действительности и бредит чуть ли не наяву. Психиатры хорошо изучили это состояние надорванности и перенапряженности психики. Так вот, почитая себя носителями этих таинственных сил, колдуны, шаманы, жрецы, а по их стопам и христианские священники считали и считают себя вправе за соответствующую мзду передавать людям частицу силы, которой якобы обладают и которую называют благодатью святого духа. Делается это путем прикосновения, наложения рук или же помазания тех или иных частей тела особыми составами, чаще всего смесями масел и благовоний (чтобы сильнее воздействовать на чувства человеческие), которые изготовляли обычно «под покровом тайны».

И в православии, так же как у древних колдунов, миро варят в обстановке особой торжественности. Раз в год, на страстной неделе, в главном (Елоховском богоявленском) соборе патриархии в Москве из 33 масел и пахучих веществ — по числу лет жизни мифического Христа — приготовляют святое миро. И в этом опять-таки проявляется древнее колдовство, так называемая магия чисел. Люди верили, что одни числа счастливые, а другие несчастливые. Повторяя молитву, совершая поклоны, служа панихиды, поминая за упокой определенное число

раз, пытались «таинственной силой» данного числа обеспечить себе успех дела.

Современные быстродействующие электронно-вычислительные машины, оперирующие астрономическими числами, в короткое время с поражающей точностью вычисляют сложные орбиты ракет и спутников, а в церкви, как и во времена седой древности, тщательно соблюдают «священные числа» 3, 7, 9, 12, 33, 40, 70 и т. д. Все это, по мнению священнослужителей, должно поднимать доверие людей к таинству, а следовательно, и закабалять их духовно.

В трагедии великого английского драматурга В. Шекспира «Макбет» есть сцена, где ведьмы варят для своих колдовских целей отвратительное варево из всякой нечисти. Этот обряд родствен христианскому мироварению и всему таинству миропомазания. Ибо так же, как церковь убеждает теперь верующих, будто помазание дает особую силу для жизни, древние люди, предпочитавшие искать помощи не у богов, а у чертей, верили, что если помазаться их миром, их колдовскими составами, то тела сделаются летучими и мази доставят своих «подопечных» на дьявольские таинства — шабаши, или субботники.

В нашей стране верующие родители, позволяя бабушкам и тетушкам крестить и миропомазывать своих детей, приобщают этих будущих граждан самого передового в мире общества к колдовским и шаманским, языческо-греческим и ведьмоподобным суевериям магии и веры в таинственные силы, которыми якобы могут распоряжаться колдуны, шаманы, ведьмы, священники и архиереи.

Церковники в течение веков пользовались магией, чтобы освятить господство угнетателей над трудовым народом. Духовенство объявляло царей помазанниками божьими, получившими специальную божественную «силу» и полномочия для своей власти. А потому любое вос-

стание против гнета царского становилось восстанием против бога, протестом против его выбора. Отсюда вдалбливание чувств покорности, верноподданничества, смирения перед любыми деспотами и самодурами, перед любыми их издевательскими, человеконадругательскими приказами. Они ж носители «благодати» помазания!

И вот сумасшедший Павел прямо с плац-парадов посылал в Сибирь целые полки солдат — терпи! Он помазанник! Николай I изводил целые обозы прутьев для чудовищных наказаний проведением сквозь строй — терпи! Он помазанник. Николай II вешал лучших людей России — терпи! Он помазанник.

Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая помазанника с престола, а затем осудившая и казнившая его грозным и праведным судом народа, является лучшим опровержением «таинства» миропомазания: не помогла царю «сила свыше», ибо нет и не было ни «силы», ни «свыше».

Такова цена и всем помазаниям таинства. Ни одного ребенка они еще даже от насморка не спасли, а тем более не сделали высоконравственным человеком. Если родители и общество не воспитают ребенка, то и из «помазанного» может вырасти вор, прохвост, развратник, убийца.

А разве крещеный подлец лучше некрещеного? Разве помазанный пьяница менее гадок, чем немазаный? Разве высоконравственный, добрый поступок некрещеного человека приносит меньше добра, чем крещеного, только оттого, что его не окунали в купель?

В таинствах крещения и миропомазания все идет от магии. На шею младенцу вешают крест, амулет, ладонку, чтобы он безропотно нес крест свой. Эти амулеты-фетиши, в том числе иногда и крестовидные, носили много тысяч лет назад.

Младенца одевают в белые ризы, чтобы он (по магии

сходства) вырос чистым. Шесть тысяч лет назад в такие же ризы в Древнем Египте облачались жрецы бога солнца Амона-Ра при их посвящении.

Младенца обносят вокруг купели, чтобы он благополучно прошел по жизни. Такие же магические уподобительные действия совершали древние дикари-охотники много тысяч лет назад. Хождение по кругу было принято еще у колдунов в Ассиро-Вавилонии за 4000 лет до нашей эры.

Затем младенцу стригут волосы и, закатав их в воск, бросают в купель. В этом обряде двойное древнее колдовство. Считается, что, если восковой шарик не утонет, ребенок будет жить. Но воск, как известно, в воде не тонет. Люди как бы заранее обманывают судьбу. Это первое колдовство. Второе заключено в самой сути постригания. Состригая волосы, их «отдают» богу. Жертвуют часть тела, чтобы бог сохранил человеку все остальное. Это, как говорят ученые, жертва pars pro toto, т. е. части вместо целого. Так жрецы древних кровожадных богов отдавали им часть тела вместо целого, обманывая их, и, гадая о судьбе человека, заранее подделывали ответы.

Только после совершения всех манипуляций младенец объявляется крещеным и, согласно тексту «Увещания от иерея к восприемнику по святым крещении», стоящему в «Большом требнике», «бысть из сына тьмы сын света». И матери не протестуют против унижающего их утверждения «пастыря духовного», что родили «сына тьмы», и даже готовы после этого с благодарностью целовать руку священника!

Эти таинства крещения и миропомазания детей не только возмущают колдовством, суевериями, пережитками, унижением человеческого достоинства, но и приносят явный вред. Ведь не все новорожденные одинаково здоровы, не всех одинаково чистоплотно содержат, а всех

детей погружают в одну купель, в одну воду, мажут одной и той же кистью, которая никогда не моется, из одного и того же сосуда с маслом, обтирают общей для всех губкой. Раздевают детей часто на сквозняке.

Один пожилой мужчина рассказывал А. Осипову, какое у него горе:

— Недавно у нас ребенок родился. Ухаживать за ним взялась теща. Задумала она окрестить ребенка. Выбрала время, да и отвезла за два десятка километров в церковь. Было это ранней весной.

Мы с женой ничего бы и не узнали, только у ребенка вдруг температура подскочила. Воспаление легких, потом плеврит. Исхудал, кашляет, головку держать не может. Мы ума приложить не могли, где его так прохватило. Да теща проговорилась.

— Вот ведь божие наказание на вас, безбожников. Я уж как внука бережно укутывала. А в церкви-то сквозняк гулял. И вода холодновата была. Да батюшка старенький мешкал долго. Девятерых погружали-то, пока до маслица, да до мира святого, да до крестика дело дошло... Все это время голенькие были деточки-то.

Я напустился на тещу:

— Да как ты смела?

А она одно твердит:

— Благодать повредить не может. Это божия воля, и спорить с ней нечего. Жаль, конечно, Витеньку, ну а суждено ему у господа в младенчиках помереть — ангелочком на небе прибавится.

И заплакал пожилой, много испытавший человек.

— Я ведь и на фронтах и стройках бывал. Вот под пенсионный возраст отцовства дождался. И такое горе.

«Какой широкий простор для фанатизма представляют эти таинства! Помню годы войны в Перми,— говорил А. Осипов.— Был я тогда священником в Новокладбищен-

ской церкви. Ребят крестили иногда по триста зараз. И все в одной воде. Другой и обмочится со страху тут же, а иной и с желудком не справится.

Я возмутился. Добился, чтобы воду меняли минимум после каждого десятка крещеных. Монашки, которые помогали, возроптали:

— Ишь интеллигентик выискался! Благодать — она все очищает.

И пожаловались архиерею. Я получил выговор. Правда, архиерей, очевидно во избежание неприятностей, мероприятия моего не отменил.

Как-то раз крестил я там же, в Перми, на дому. Стою у стола, раскладываю принадлежности крещения, за спиной у меня ванна вместо купели приготовлена. Слышу звук наливаемой воды, и к нему примешивается шуршание какое-то. Обернулся — вижу, девушка льет только что принесенную из колодца воду с ледышками. Оттого и шорох, что их видимо-невидимо. Я говорю ей:

— Выловите лед, а то, когда будете доливать горячей воды, она все равно сразу остынет.

И вдруг слышу:

— Это что же ты, батя, благодати не веришь? Бог дал дите, он и его, и воду согреет. Во льду крестить будешь! А умрет ребенок — воля господня. Значит, по грехам нашим.

Обернулся я на голос. Старик. Смотрит на меня ненавидящими глазами фанатика и рот ощерил от злости. Изуверствовать я отказался, ушел, и крестины не состоялись. Но получил второе замечание от архиерея.

— Я,— говорит он мне,— понимаю вас. Сам за то, чтобы воду греть. Но раз люди идут на риск, не священнику в них веру подрывать. Их ребенок. Своим рискуют. А может быть, по вере их и дастся им чудо.

Чудес я не видел! О ребятах же, не только умерших

после таинства крещения от воспаления легких, но даже и от утопления (в одном случае ребенка погубил пьяный поп, в другом — дряхлый и больной священник), знаю доподлинно.

Но это не значит, что если хорошо оборудовать крещальни, стерилизовать инструментарий, соблюдать правила гигиены, то таинство крещения следует сохранить.

Мы, атеисты, против того, чтобы над младенцем, родившимся в космический век, творили заклинания, чтобы люди верили в бога и сатану, в то, что под влиянием магических манипуляций вода приобретает колдовские «очистительные», «духовные» свойства, что хождение по замкнутому кругу может оградить от всякой напасти».

СВЯЩЕНСТВО

К таинству миропомазания теснейшим образом примыкает и таинство священства.

Церковь проповедует, что священство есть божественное установление.

В древней магии по сходству у колдунов, шаманов и жрецов считалось, что через внешнее прикосновение или помазание передается внутренняя сила от человека-носителя ее к тому, кто должен стать ее носителем. Это называется преемственностью: одна и та же сила будто бы переходила от человека к человеку, от поколения к поколению.

Православное духовенство также совершает обряды, будто бы переносящие через возложение рук силу от богов «троицы» и низших богов — святых и ангелов (так называемую благодать) людям, что и называется таинством священства.

В православии три степени служителей культа: глав-

ная — епископ или архиерей. Епископ в переводе значит «надзиратель», архиерей — «старший священник». Эта степень появилась в результате того, что в первоначальном христианстве для поддержания порядка и для административного объединения членов общины избирались специальные чиновники-администраторы. Магические же обряды «рукоположения» стали совершать над этими чиновниками-служащими позже, заимствовав их у язычников и из иудейской религии.

Следы этого постепенного введения таинства дает и научный анализ священных для христиан книг Нового завета. Так, в евангелиях ни о каких посвящениях еще нет и речи. В деяниях апостолов говорится о том, что диаконы выбираются как обычные хозяйственные работники. В посланиях говорится о возложении рук, но епископы и пресвитеры почти не различаются. Те и другие могут быть семейными.

Таким образом, вначале не было никакого от Христа установленного порядка и таинства — они постепенно вырабатывались и отшлифовывались практикой.

Второй степенью — пониже — является в православии священник (перевод греческого слова «иерей», т. е. «посвященный»). Так назывались языческие жрецы. У них же был заимствован колдовской обычай передавать «силу». В ранних христианских общинах таких руководителей именовали пресвитерами (от греческого «пресвитерос» — старейший). На эту должность вначале избирали более опытных и старых. И тут таинство — заимствованные из язычества и иудейства колдовские манипуляции — родилось позже.

Наконец, последняя, низшая ступень православных священнослужителей — диаконы (в переводе — слуга). Как рассказывают сами христианские книги, вначале это просто слуги — помощники руководителей раннехристиан-

ских общин с функциями завхозов. На этих должностях прежде бывали и женщины. И родились-то эти должности в христианстве довольно поздно.

Такова правда о священнослужителях. Это всего-навсего христианская модификация древних колдунов, шаманов, жрецов.

Русский народ видел, что благодать, якобы полученная духовенством, не делала священников высоконравственными людьми. Народные пословицы так характеризуют духовенство: «поповские глаза завидущи, руки загребущи», «земля любит навоз, а поп принос», «у попа две руки: одна — что крестит, другая — что берет, а той, что дает,— той нет», «вес и мера — не поповская совесть; не обманут и лишка не возьмут», «поп служит не для Иисуса, а для хлеба куса». Что же могут дать такие «носители благодати» людям? А между тем на той же древней колдовской магии по сходству и на передаче силы якобы от ее носителей — священнослужителей пастве основаны и все остальные таинства.

ПОКАЯНИЕ

Вот таинство покаяния. Катехизис определяет его таким образом: «Покаяние есть таинство, в котором исповедующий грехи свои, при видимом изъявлении прощения от священника, невидимо разрешается от грехов самим Иисусом Христом».

Да как же может сила бессильная сделать своих носителей образцами высоких человеческих качеств — правды, достоинства, честности и т. п., а через их посредство очистить и спасти других! Ведь еще пастырь и святой древней церкви IV в. н. э. Иоанн Златоуст написал в «Шести словах о священстве»: «Не думаю, чтобы многие священники спаслись». Кстати, в этом таинстве

священник налагает на кающегося часть своего облачения — епитрахиль, а затем, по «отпущении грехов», снимает ее с головы человека, как бы снимая тем самым и грехи. Это древняя форма магии. В Ветхом завете рассказывается, что священник, наложив руки на черного козла, перечислял грехи людей, а затем прогонял его на гибель в безводную пустыню, чтобы он унес грехи и они погибли вместе с ним. Отсюда бытующее в народе выражение: быть козлом отпущения.

Но таинство исповеди на поверку оказывается и не только древним колдовством.

Во-первых, таинство исповеди служит не исправлению, воспитанию людей, а их самоуспокоению. Человеку внушается: «Что бог простил, то и вспоминать нечего. Иначе, значит, ты божьему милосердию не доверяешь!» И вот живут люди. В житейской суете они вольно или невольно нарушают законы морали. И ежегодно, а то и по нескольку раз в году ходят исповедоваться. Расскажут батюшке о своих прегрешениях, получат отпущение и успокоятся. Не взвесят степени своего проступка перед обществом и людьми, не задумаются над тем, как честнее и лучше сделать жизнь свою. Прощено и забыто! А для тех, кто встал на путь преступления, покаяние — истинное благо.

Мне пришлось столкнуться, рассказывал А. Осипов, с деторастлителем (это было в буржуазной Эстонии), который, лицемерно закатывая глаза и крестясь, с явным удовольствием ворошил в себе всю мерзость своей душонки, рассказывал в подробностях, как он заманивал и насиловал малолетних девочек... Смаковал свои преступления и тут же торопливо добавлял: «Я не каюсь. Это я уже говорил на исповеди, это уже прощено. Так вот, перед законом отвечать за последние прегрешения приходится — сижу, а перед богом я уже чист».

Что может быть страшнее такого успокаивающего преступную совесть таинства!

Во-вторых. Церковь дает священникам право применять при исповеди особую систему наказаний — епитимию. Это, как говорит катехизис, средство к «очищению и умиротворению совести покаявшегося грешника». «Епитимия значит запрещение. Кающемуся предписываются лишения, служащие к заглаждению неправды греха, например, пост».

Активное, реальное добро, искупительный труд на пользу людям, против которых человек совершал проступки, церковь подменяет псевдодобродетелями — постами, молитвой, временным непричащением. Как будто обществу, пострадавшим людям станет от этого легче. Я сам встречался со случаями, когда «отцы духовные» повелевали не вернуть украденное, не возместить активным трудом причиненные убытки, а отбивать в день по стольку-то поклонов, съездить на богомолье в такой-то монастырь, пожертвовать на церковь такую-то сумму. И не принимали в расчет, делали тем самым и себя, и церковь, и бога своего «богоузаконенными» потребителями краденого.

Знал я убийцу, «искупившего» свое преступление тем, что 15 лет не ел скоромной пищи. При помощи церкви он успокоил свою совесть и считал свое злодеяние искупленным.

В-третьих. Таинство исповеди церковь обращала часто в средство контроля над душами и в средство шпионажа за своими пасомыми в пользу «властей предержащих». Охранка, жандармерия, третье отделение в царской России в течение десятилетий пользовались информацией, которую поставляли им священнослужители.

В-четвертых. Церковь, проникая в тайны людей, тем самым усиливала и свою власть над ними, используя ее ради умножения доходов.

Святое таинство исповеди! Древнее колдовство, взятое на вооружение религии теми, кто хочет прожить — и морально, и материально — за счет других.

ЕЛЕОСВЯЩЕНИЕ

Магией аналогии, передачей людям «сил», которые якобы даны «отцам духовным» в таинстве священства, является и елеосвящение, совершаемое над больными. «Елеосвящение есть таинство, в котором, при помазании тела елеем, призывается на больного благодать божия, исцеляющая немощи душевные и телесные»,— говорит катехизис.

Происхождение этого таинства довольно любопытно. У древних в народной медицине были очень распространены наружные средства — мази, пластыри, примочки, в том числе и маслотерапия (применялось главным образом оливковое масло). Воздействуя на нервные окончания в коже человека, они помогали при некоторых заболеваниях. Народной медициной занимались знахари и жрецы. Не зная ни анатомии, ни физиологии, не понимая механизма действия этих медикаментов, подмеченного народной практикой, знахари и жрецы приписывали целебное влияние не лекарственным веществам, а магическим приемам.

Ранние христиане переняли этот способ лечения. Заменив же маслотерапию символическим помазанием частей тела, христиане превратили ее в таинство елеосвящения — панацею от всех болезней духовных и телесных. Пользы от него человеку — никакой. А вред бывает. И немалый. Таинство это длительное, утомительное, я бы сказал, истощающее. Я видел немало людей, которые после совершения таинства с трудом дышали от духоты, на-

пряжения и усталости. После совершения древнего колдовства, подновленного христианством, организм нередко утрачивает последние силы к сопротивлению в борьбе с болезнью.

БРАК

Церкви потребовалось шесть веков, чтобы дойти до признания брака таинством. Не во имя людей, а дабы наложить на семью лишние церковные оковы. Почему церковь считает недопустимым брак для католического духовенства? Ведь для него провозглашен обязательный целибат (безбрачие). Выходит, для мирян еще допустим брак, а для тех, кто имеет духовный сан,— это уже скверна?

Весь обряд церковного венчания основан на магии сходства, помноженной на не менее древнюю магию чисел. Он внушает людям, что пастыри — носители особой силы, особой благодати. Трижды благословляя вступающих в брак и трижды произнося формулу: «Господи боже наш славой и честию венчай я (т. е. их!)», священники будто бы снабжают людей особой силой для брачной жизни и деторождения. И однако история христианства полна семейных драм, покрыта несмываемым позором превращения «христианского брака» в тюрьму для скованных волею родителей чужих друг другу людей, использованием этого таинства для купли-продажи девушек.

Художник И. В. Неврев написал интересную картину «Воспитанница». Он изобразил, как священник уговаривает воспитанницу богатых людей, обесчещенную их сыном, «покрыть грех», связав жизнь таинством брака с чужим ей, подобранным богачами за подачку женихом.

Церковь переняла в свое таинство такие народные символы соединения людей в одну семью, как общая ча-

ша, венцы, как называние людей, основывающих семью, «князем» и «княгиней» (из эпохи феодализма), как кольца — символ связи (звенья, цепи) и вечной любви (кольцо: круг не имеет конца). Но церковь и сюда внесла свое воззрение на женщину как на неравную, унижаемую сторону в браке. Кольцо у жениха золотое, а у невесты в старину было только серебряное. Это запечатлено и в церковных книгах. И вино обязательно жених пьет первым. И венец на него надевают на первого. И стоит он по правую (по древним колдовским понятиям — божию, светлую), а не по левую (злую, бесовскую) сторону. Но что особенно возмутительно: захватив право распоряжаться и в этом важном акте человеческой жизни и объявив брак для пущей торжественности и укрепления своего влияния «таинством», церковь даже не пытается скрыть своего отрицательного отношения к этой нормальной и от природы естественной форме человеческих взаимоотношений. Ровно столько же строк, сколько в катехизисе посвящено разъяснению сути таинства брака, отведено и его поруганию. И мы читаем: «Девство лучше супружества, если кто может в чистоте сохранить оное. И апостол говорит: глаголю же безбрачным и вдовицам: добро им есть, аще пребудут якоже и аз. Неоженивыйся печется о господних, како угодити господеви, а оженившийся печется о мирских, како угодити жене. Вдаяй, браку свою деву, добре творит: и не вдаяй, лучше творит».

Итак, на словах бог, церковь, священники благословляют брак и объявляют его таинством, а на деле тут же объявляют его делом низшим и борются, как за лучшую долю для человечества, за противоестественное, с ломкой естественных желаний и стремлений человека к любви, к детям, к семье, безбрачное, монашеское, прозябание «ради бога»... «Неоженивыйся убо в мире единеми потребами связан, иже на руку носящему железа уподобися; тем

егда хочет пищи ко иноческому житию, не возбраняется. Оженившийся же ся иже на руку и на ноги железа носящему уподобися»,— разглагольствует православный сборник поучений XVII века.

Может ли быть большее лицемерие — объявлять брак одновременно «благословляемым богом», «богоустановленным» «таинством» и цепями каторжника? Но для церкви это как раз характерно.

Новый завет, якобы принесенный на землю легендарным евангельским Христом, внес свой вклад в унижение и закрепощение женщины, указывая ей, что она «связана законом, пока жив ее муж» (1-е Коринф., гл. 7, ст. 39), что в знак смирения и подчинения она обязана ходить «с покрытой головою» (1-е Коринф., гл. 11, ст. 3 и 5). До сего дня эта традиция поддерживается ретивыми фанатиками — православными священниками и сектантскими проповедниками, рабски приемлется их доверчивыми жертвами. Им внушают, что при молитве «...муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава божия, а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа, и не муж создан для жены, но жена для мужа. Посему жена и должна иметь на голове свой знак власти над нею» (1-е Коринф., гл. 11, ст. 7—10).

Зайдите в любую церковь, в любую молельню. Посмотрите на море черных и белых платочков, которые надевают на себя, идя в храм, женщины, надевают как знак признания своей покорности мужчине.

Женщинам предлагается помнить, что «не муж от жены, а жена от мужа» (т. е. что Ева сотворена из ребра Адама), хотя нелепость этой сказки разоблачает и анатомия, и физиология, и сама жизнь (1-е Коринф., гл. 11, ст. 8).

Религия внушает женщине, что она должна смиренно «поучаться в безмолвии» (1-е Тимоф., гл. 2, ст. 11),

«бояться мужа» (Ефес., гл. 5, ст. 23). Веками христианство, его «отцы духовные» — монахи, архиереи, патриархи и прочие рясоносители — внушали мужчине: «жена не властна над своим телом» (1-е Коринф., гл. 7, ст. 4). И какой-нибудь пьяный подлец, истязая свою «половину», считал это своим правом, установленным самим богом. Еще бы. Он мужчина, соль земли, господин положения!

Церковь — порождение века рабовладельчества — превратила брак в глумление над женщиной.

Ей читают, внушают, вдалбливают наставление «священного писания»: «а жена да убоится своего мужа...» Ей внушают, что брак не может быть расторгнут, как бы чудовищен он ни был. Не может быть расторгнут, даже если это надругательство над чистой любовью, даже если девушку разлучают с любимым и соединяют с плотоядным, сластолюбивым стариком развратником. Еще бы! Ведь это таинство. Вспомните обличительную картину В. В. Пукирева «Неравный брак».

Христианское учение не делает оговорок и для тех случаев, когда муж-садист в пьяном виде выгоняет жену с детьми на мороз, когда он — тунеядец, пропивающий не только свою получку, но и то, что приносит домой труженица-жена!

Как бы тяжело ни было женщине в браке, она, раба и созданное богом для мужа развлечение, не смеет уйти от своего повелителя. «Жене не разводиться со своим мужем»,— прикрикивает на нее апостол Павел (1-е Коринф., гл. 7, ст. 10).

На этом унижения не кончаются. Если женщину в конце концов бросит сам муж, то она становится изгоем, грязным отбросом общества. «Кто же женится на разведенной, тот прелюбодействует»,— говорит в Евангелии от Матфея (гл. 5, ст. 32) якобы сам Иисус Христос. «И если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого —

прелюбодействует»,— подтверждает Евангелие от Марка (гл. 10, ст. 12).

Сколько горя было от обязательности церковного брака!

Моя прихожанка по таллинской Казанской церкви, прелестная девушка, влюбилась в поляка-инженера из старой, известной в Эстонии семьи. Он ее полюбил не менее крепко. Родители отнеслись к роману хорошо. Намечалась свадьба.

Девушка хотела венчаться православным обрядом, а родители жениха мечтали о католической свадьбе. Решили венчаться дважды. Договорились со мною. Пошли к ксендзу. Попали к единственному неиезуиту отцу Викентию Денису. Этот ксендз, долго живший в свое время в России, был человеком фанатически верующим, но в исповедном смысле довольно терпимым. Жениху он сказал:

— Наши не пойдут на разрешение двух свадеб. Я иезуитов знаю. А на католической я буду обязан взять подписку, что дети будут крещены в католичество. Но ведь мать — говорю о вашей будущей жене — захочет детей воспитать единоверцами. Я верю, что Христос у нас и у православных один, и не хочу быть насильником. Придется пойти на хитрость. Что ж, иезуитов и обмануть не грех. Не они ли сами учат, что «цель оправдывает средства»... Сделаем так. Вы обвенчаетесь сначала у отца Александра Осипова. И пусть он возьмет с невесты и с вас подписку, что дети будут крещены в православие. Потом вы приезжайте в костел, и я вас венчаю, как будто бы не зная о состоявшемся православном обряде. А когда после свадьбы предложу вам с женой расписаться, что ваши дети будут католиками, жена ответит, что уже дала одну подписку и не может сделать противоположную.

Так все и было устроено. Отец Викентий Денис (теперь его давно, очевидно, нет в живых, и это разоблачение

ничем ему повредить не может) в глазах католиков сам оказался как бы одураченным... и невиновным.

Я заслужил от иезуита епископа эпитет «розумна бестия!» (говорю со слов самого Викентия Дениса). Право же, похвала была не по адресу. Я, молодой и неопытный, так одурачить иезуитов тогда не сумел бы, не будь Викентия Дениса.

Но иезуиты не успокоились.

Во время брачного пира, который происходил в доме жениха, на пороге внезапно выросла мрачная фигура монаха с надвинутым на глаза капюшоном. Подняв руку, монах отлучил пожизненно от причастия («за предательство во власть сатанинских схизматиков восходящего потомства своего в третьем и последующих коленах!») родителей жениха и проклял их дом.

Мать, ревностная католичка, упала в обморок. Отца чуть не хватил удар. Сколько горя, слез стоила несчастным старикам эта история!

Потребовалось ходатайство перед самим папой, чтобы проклятие было снято. Инженер добился победы, только пригрозив, что он и его друзья отрекутся от католичества.

Но и этим дело не кончилось. Когда приблизились роды, монашки начали склонять молодую, ее мужа и родителей мужа крестить будущее дитя по-католически. Мать не сдалась. Ребенка крестили в православной церкви. Когда его повезли в церковь (из-за боязни скандала родители не решились крестить дома), монашки легли на лестничных площадках, чтобы не дать вынести младенца. Выли, проклинали. Грозили всеми карами неба...

...Когда верующий человек осознáет бессмысленность и вред христианских таинств, он перестанет их отправлять.

Мы не прибавили ни слова к тому, что рассказывал Александр Александрович Осипов о христианских таинствах.

Размышления бывшего православного богослова о них очень интересны. Особенно любопытны его личные наблюдения и воспоминания. Эти раздумья возникли у него за многие годы отправления церковных обрядов и должны помочь верующим, которые еще наделяют их какой-то святостью, понять, что людям не только не нужны, но и вредны так называемые таинства.

Глава вторая

ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ КРЕЩЕНИЕ?

Рассказывая о святых таинствах, А. А. Осипов не коснулся очень многих вопросов истории крещения. Подробный научный анализ этого религиозного обряда необходим, потому что из всех христианских таинств крещение больше всего сохраняется в быту современных христиан, хотя число крестившихся сокращается из года в год.

Таинство крещения, т. е. погружения в воду, было утверждено христианской церковью в IV веке. Исповедание его ввели в «символ веры». «Крещеный» стал синонимом слова «христианин», так как крещение — это акт принятия человека в церковную общину. Название этого таинства происходит от греческого слова «baptisto» — погружать (в воду), лить, мыть. В новозаветном употреблении этот глагол стал обозначать «крестить», «креститься», откуда французское baptiser — крестить, baptême — крещение, а также название сект «баптисты», «анабаптисты».

В христианских церквах разных исповеданий крещение совершается по-разному: у православных крещаемого погружают в воду, католики обливают его водой, а протестанты только окропляют. Теперь у православных ребенка часто не полностью погружают в купель, а обливают или даже опрыскивают водой.

В православном культе постепенно происходят изменения. Коснулись они и обряда таинства крещения. Бывший священник А. Б. Чертков рассказывал, что таинство крещения теперь совершается не обязательно вскоре после рождения ребенка, а в любом возрасте, когда того пожелают родители. Наречение имени происходит не на 8-й день после рождения, а во время крещения. Имя выбирает не священник, как раньше, а сами родители, которые предварительно регистрируют ребенка в загсе.

С таинством крещения связан праздник богоявления, или крещения, справляемый 6 января. Первыми ввели его у себя во II веке христиане Египта, заимствовав местный языческий праздник в честь рождения растительного бога и спасителя Осириса. У древних египтян он сопровождался «хождением на воду» для ее «освящения». Ранние христиане стали отмечать в этот день крещение, «духовное» рождение и богоявление Иисуса.

В Восточной Европе у древних славян до принятия христианства существовали свои обряды, связанные с рождением ребенка. Так, например, были специальные «постриги». В знак того, что мальчик стал членом общины, ему стригли волосы, а затем сажали на коня: «Невеста родится, а жених на коня садится». У донских казаков по истечении сорока дней после рождения отец надевал на сына саблю, сажал его на лошадь, подстригал ножницами волосы в кружок и возвращал сына матери, поздравив ее с казаком.

В связи с развитием в X веке феодальных отношений на Руси древняя языческая религия восточных славян, возникшая и развивавшаяся в условиях первобытнообщинного строя, со всеми своими обрядами и обычаями, оказалась неприемлемой для господствующего класса феодалов. Для них наиболее подходила христианская

религия, зародившаяся в условиях классового общества и освящавшая классовое господство. Проповедники христианства на Руси поучали: «Бога бойтесь, князя чтите».

Христианские таинства в тех условиях были, конечно, более прогрессивны, чем варварские языческие обряды, в чудовищной жестокости которых нетрудно убедиться, если взглянуть хотя бы на картину Семирадского «Ночное жертвоприношение князя Святослава». На обрывистом берегу реки стоит языческий жрец и спускает в воду кровь из зарезанного петуха. Влево и на заднем плане пылают костры, в пламени которых корчатся заживо сжигаемые люди. Перед костром воины со свирепыми лицами тащат на сожжение женщин. За их одежды и обнаженные ноги в отчаянии цепляются дети. В центре картины языческий князь Святослав. Его суровое лицо полно непреклонной воли и твердого сознания в правоте совершаемого кровавого обряда.

В 988 году Владимир распорядился, чтобы священники, привезенные им из Херсонеса (или Корсуня, греческого города в Крыму), куда киевляне совершили поход, крестили жителей Киева. Их загоняли «в реку, как стада», по выражению летописца, «иные и не по любви, а из страха перед повелителем крестились». Таким же было крещение в Новгороде. Сохранилась пословица о двух князьях, которые занимались христианизацией новгородцев: «Добрыня крестил мечом, а Путята огнем». Во всех странах во славу святого крещения сотни тысяч людей были истреблены огнем и мечом.

Церковь освящала насилия, которые чинили князья. Она благословляла захват князьями земель и закрепощение крестьянства. Священники поучали, что князь — «помазанник божий», призывали к покорности: «Нет власти, аще не от бога».

Введение христианства на Руси было вызвано стремлением князей освятить религией новые феодальные отношения, укрепить политические, торговые и культурные связи Руси с Византией. Принятие христианства было, несомненно, в тех условиях прогрессивным явлением, так как способствовало отмиранию пережитков родового строя (многоженства, похищения невест, кровной мести и других остатков родового строя). В результате распространения христианства на Руси начала переводиться религиозная литература, строятся храмы — проникала более высокая византийская культура.

Но вернемся к таинству крещения и расскажем, что же оно представляет собой в действительности и так ли оно безобидно в современных условиях, и если вредно — то чем?

О СУЩНОСТИ КРЕЩЕНИЯ

Отец английского материализма философ Гобсс, живший в XVII веке, писал: «Таинства веры подобно целебным, но горьким пилюлям: если их разжевывают, то обязательно и выплевывают». Он понял, что в основе христианского таинства крещения находится вера в дьявола.

В 1969 году на богословских собеседованиях между представителями евангелическо-лютеранской и русской православной церквей было отмечено, что крещение «освобождает человека от власти диавола» («Богословские труды». Сб. 10. М., 1973, с. 91).

По христианскому вероучению, Адам и Ева, соблазненные дьяволом, совершили первородный грех. Таинство крещения должно с помощью «святой воды» будто бы оградить от нечистой силы, угрожающей болезнями и всякими скорбями.

В чине крещения, употребляющемся в церкви и доныне, требуется, чтобы восприемники отрекались за крещаемого «от дьявола и всех дел его, и всея гордыни его». Над крещаемым произносится заклинание: «Изгони из него всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его».

Таким образом, исторический смысл таинства крещения, его значения в быту христиан можно вскрыть, только рассмотрев христианскую веру в дьявола.

О ВЕРЕ В ДЬЯВОЛОВ И БЕСОВ

Христианская религия похожа на медаль, у которой на одной стороне спаситель богочеловек Иисус Христос, а на другой — сатана, «враг рода человеческого». Без веры в дьявола нет и поклонения богу. Христос, как говорится в Новом завете, явился для того, чтобы разрушить дело сатаны.

Вольнодумцы прошлых веков утверждали, что вера в дьявола служит сильным средством для запугивания верующих. Если она исчезнет, то священнику нечего будет делать. От кого же тогда ему спасать людей, если люди не будут верить в сатану.

Выдающийся французский философ-материалист Поль Гольбах, живший в XVIII веке, писал:

«Если бог — творец всего, то, стало быть, он создал и дьявола; если же этот злой дух опрокидывает все предначертания божества, значит, этого хочет само божество, которое позволяет дьяволу вмешиваться в свои планы, либо не имеет достаточно сил, чтобы помешать ему творить зло... Дьявол — главный министр небесного царя, рычаг, при помощи которого работает церковь. Бог одним словом мог бы повергнуть его во прах небытия, но он остерегается это сделать: бог сильно нуждается в нем,

так как на его счет он может относить все глупости, в которых могли бы обвинить его самого. Поэтому он оставляет дьявола в покое и терпеливо переносит все его выходки... Бог не может обойтись без дьявола, богобоязненность часто не что иное, как страх перед дьяволом. Не будь дьявола, многие набожные люди никогда не помышляли бы ни о боге, ни о его духовенстве».

Христианская церковь не отрицала существование языческих божеств, а только настаивала на их ложности и злобности и потому превратила этих богов и богинь в демонов. По словам «Журнала Московской патриархии», бесы будто бы составляют «подоплеку идолослужения язычников» (1974, № 6, с. 60). Римские божества Юпитер, Аполлон, Меркурий, Вулкан, Диана, Юнона, фавны и сатиры «переселились» в христианский ад. В средние века монахи рассказывали, что Диана бродит полуденным бесом, а в глубокую ночь мчится в воздушном полете под звездным небом, сопровождаемая ватагами ведьм. Богиня любви Венера по-прежнему распаляет людей неугасимой влюбленностью, отнимает новобрачных мужей у жен.

Священники проповедуют, что из Библии можно узнать, кто такой дьявол, каковы его действия и средства борьбы с ним, а как применять эти средства на практике следует выяснить из творений «святых отцов» и жизни «святых подвижников», всю жизнь посвятивших борьбе с бесами.

В Библии дьявол — это лукавый змий, великий дракон, князь бесовский, божий соперник и противник, совращающий и обманывающий всех, отец лжи. Он является первопричиной всего зла, он принес смерть людям, он обольстил Адама и Еву. Вера в пришествие Иисуса Христа на землю исходит из признания необходимости искупления первородного греха.

В евангелиях часто упоминаются дьявол и злые духи, будто бы старающиеся вредить людям, губить их. Да и Иисус Христос якобы после своего крещения Иоанном был отведен духами в пустыню для того, чтобы там его искушал дьявол.

В Евангелии от Матфея сказано, что Христос имел «власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их» (гл. X, ст. 1), «изгонял духов словом своим из многих бесноватых» (гл. VIII, ст. 16), изгнал беса из «человека немого бесноватого» (гл. IX, ст. 32—33), переселил чертей «из двух бесноватых, вышедших из гробов, весьма свирепых» в стадо свиней (гл. VIII, ст. 28—33). Апостолы и сами также занимались «изгнанием бесов» из больных.

Минуций Феликс писал о раннехристианах: «Большая часть из вас знает, что сами демоны приходят в сильный трепет от наших заклинательных слов именем единого истинного бога или тотчас оставляют тела одержимых ими, или постепенно удаляются».

Евангелисты верили, что многочисленные демоны образуют свое царство, во главе которого стоит сатана. Они якобы оказывают пагубное влияние на род человеческий. Переход из язычества в христианство апостолы рассматривали как переход от власти сатаны к богу.

«Отцы церкви» вообще были буквально одержимы «дьяволоманией». Им всюду мерещились черти. Один из столпов католицизма, блаженный Августин, приравнял неверие в дьявола к неверию в бога.

Укреплению веры в существование бесов особенно способствовали «Жития святых», содержащие бесчисленное множество рассказов о явлении чертей. Для обольщения подвижников злые духи чаще всего преображались в нагих женщин. Соблазняя святого Иллариона, дьявол клал на его постель «бесстыдных обнаженных жен». Свя-

той Пахомий часто видел беса в образе «голой женщины», идущей в обитель.

В старину православные очень любили слушать рассказ о том, как великий святитель Иоанн, архиепископ Великого Новгорода, за одну ночь попал из Новгорода во Иерусалим-град и снова возвратился той же ночью в Великий Новгород: «Однажды святой, по своему обычаю, творил ночные молитвы в ложнице своей. Здесь у святого и сосуд с водой стоял, из которого он умывался. И вот, услыхав, что кто-то в сосуде этом в воде плещется, быстро подошел святой и догадался, что это бесовское наваждение. И, сотворя молитву, осенил сосуд тот крестным знамением, заключив беса... Начал бес вопить: «О, горе мне лютое! Как в огне, горю, не могу терпеть, выпусти меня поскорее, праведник божий!..» И сказал святой беспрерывно вопившему дьяволу: «За дерзость твою повелеваю тебе: сей же ночью отвези меня на себе из Великого Новгорода в Иерусалим-град, к церкви, где гроб господен, и в сию же ночь из Иерусалима — назад, в келью мою, в которую ты дерзнул войти. Тогда я освобожу тебя». Бес клятвенно обещал исполнить волю святого. Тогда святой, закляв беса, выпустил его... Бес черным дымом вышел из сосуда и встал конем перед кельей Иоанна, как приказал ему святой. Иоанн же, выйдя из кельи, перекрестился и сел на него и очутился той же ночью в Иерусалиме-граде, около церкви святого Воскресения.

...Когда вышел святой из церкви, ...нашел беса, стоящего конем оседланным, на том месте, где повелел. Сел на него Иоанн и той же ночью оказался в Великом Новгороде, в келье своей».

В «Житиях святых» содержится немало сказок о том, как «угодники божии» изгоняли чертей из больных. Например, в «Житиях святых» от 1 февраля подробно опи-

сываются приключения святого Трифона, освободившего дочь императора Гордиона от беса. Император пожелал своими очами увидеть этого беса. Трифон вызвал его, и все лицезрели демона в образе черного пса с огненными очами. Святой спросил пса: «Кто тебя послал в отроковицу?» Бес отвечал: «Отец начальник всякой злобы, сидящий в аду». В «Журнале Московской патриархии» в №1 за 1957 год была помещена статья «Житие преподобной Ганавефы», где говорится, что по ее молитве «изгонялись бесы».

На верующих влияли иконы, изображавшие борьбу святых с чертями. Были иконы «Святой Николай изгоняет беса из колодца», «Святой Харлампий с укрощенным бесом» и т. д.

Вера христианского духовенства в существование бесов выразилась в различных молитвах, будто бы избавляющих от злых духов: «Избави мя, господи, обстояния бесовского». Ссылаясь на Евангелие, священники утверждают, что имеют «власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их» (Матф., гл. 10, ст. 1).

Монахи сочиняли множество рассказов о нечистой силе. Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» изображает инока Ферапонта, который говорит о чертях: «Как стал от игумена выходить, смотрю, один за дверь от меня прячется, да матерый такой, аршина в полтора, али больше росту, хвостище же толстый, бурый, длинный, да концом хвоста в щель дверную и попади, а я, не будь глуп, дверь-то вдруг и прихлопнул, да хвост-то ему и защемил. Как завизжит, начал биться, а я его крестным знамением, да трижды — и закрести. Тут и подох, как паук давленый».

Современная католическая и протестантская церкви признают существование сатаны. Папа Павел VI в речи 15 ноября 1972 года говорил, что все христианское учение

о спасении человека исходит из веры в дьявола. Важнейшая задача церкви, сущность ее обрядов состоит в защите от зла, им причиняемого. Дьявол, утверждал папа, действительно существует.

В 1975 году 65 видных ученых Англии обратились с открытым письмом к руководителям англиканской церкви. Они требовали запрещения обряда «изгнания дьявола» из больных. Поводом для этого выступления ученых явился суд по делу 31-летнего Майкла Тейлора, зверски убившего в октябре 1974 года свою жену, мать пятерых детей, Кристину Тейлор, выколов ей глаза и вырвав язык. Случилось это ночью, после того, как Тейлор в течение трех суток подвергался обряду изгнания «злых духов» в церкви святого Томаса в местечке Барнели. Викарий этой церкви преподобный Питер Сидней Винсент приказал связать Тейлора, бить его по спине, чтобы заставить злых духов покинуть тело. Им надлежало вылететь через открытое окно. Присутствующие прихожане и церковные служители читали молитвы и пели псалмы. Затем Тейлора вывели в церковный двор, сняли с него нательный крест, который он носил, и бросили этот крест в огонь. Викарий спросил больного, не желают ли злые духи совершить какое-либо злодеяние. Тогда больной-параноик заорал, что «желают». После такого «внушения» он и совершил преступление.

В 1973 году в ФРГ (округ Пассау, Бавария) капуцин Констанц Вольфсгрубер из монастыря святого Конрада в течение нескольких месяцев изгонял дьявола из Элизабет Мауэрбергарн. У больной порой вырывались бессвязные слова. Это возбудило подозрение, что она одержима бесом. Два-три раза в неделю женщину, страдавшую эпилептическими припадками, подвергали «изгнанию дьявола». Каждый «сеанс» записывали на магнитофонную ленту и отправляли ее епископу Антонису Хоффманну в Пас-

сау (он считает, что «изгнание беса» может применяться у лиц, «страдающих демонической одержимостью»).

В январе 1974 года в США в городе, расположенном неподалеку от Сан-Франциско, католический священник с разрешения своего епископа «изгонял бесов» из одной семьи.

Современная православная церковь также не отвергает веры в сатану. В Ленинградской духовной академии на ученом совете разбиралась диссертация иеромонаха Никодима Миронова «Действие злых духов на душу человеческую по учению отцов церкви». Автор уверял, что сатана является и ныне в виде красивого голого мужчины с бронзовым лицом и телом, но без рогов и копыт.

В 1972 году «Журнал Московской патриархии» опубликовал наставления преподобного Иоанна «Путь покаяния», в которых призывается к борьбе «против демонов» (№ 3, с. 24). В 1976 году этот же журнал посвятил целую страницу вере в бесов — без нее нет веры в необходимость совершать крещение.

«ЧЕРТОГОН» У ЯЗЫЧНИКОВ И ИУДЕЕВ

Религиозный обряд крещения в конечном счете так же древен, как сама вера в злых духов. Одновременно возникли и различные способы их изгнания с помощью заклятия, воды и огня. Все племена и народы верили, что особенно помогает отгонять бесов вода, и поэтому родившегося ребенка подвергали колдовскому очищению водой. Крещение было обязательно при посвящении в таинства древнеегипетской богини Исиды. Ритуальное очищение водой совершилось в элевсинских мистериях в Древней Греции в честь богини Деметры. Оно было принято и в культе фригийского бога Аттиса.

Крещение существовало в иранском культе солнечного

божества Митры. В так называемой литургии Митры посвящаемый говорит: «Господи, вновь родившись, я отхожу возвеличенный, а возвеличенный, я умираю; родившись рождением животворящим, я ухожу, растворившись в смерти», «если вам угодно вновь передать меня бессмертному рождению... чтобы я вновь родился через дух».

В древнеиудейской религии было множество предписаний о необходимости совершать ритуальное омовение, чтобы очиститься от грехов. Библия содержит законы ритуальной чистоты, которые приписывают колдовское значение воде. При обряде посвящения в жрецов-левитов применялась «вода очищения». Библия требует соблюдения обрядов очистительного купания. «Чистая вода» будто бы очищает от всех грехов (Иезекиил., гл. 36, ст. 25; Захария, гл. 13, ст. 1). Она символизирует жизнь и счастье (Исаия, гл. 13, ст. 3). Крещение прозелитов, т. е. принимающих другую веру, было обязательным. Если в иудейство переходил какой-нибудь язычник, то он должен был наряду с обрезанием совершить омовение. В древности существовал обычай испытания жены, заподозренной в измене мужу, с помощью «горькой воды» (Числа, гл. 5, ст. 11—31). Женщине давали воду, смешанную с землей, и при этом произносили проклятия. Верили, что вода окажет пагубное действие на виновную, а невинная останется невредимой.

Евангелие от Марка признает, что крещение существовало еще до появления христианства: «Иоанн крестил в пустыне и проповедовал крещение покаяния для прощения грехов и выходила к нему вся иудейская страна и все жители Иерусалима и крестились от него в реке Иордане. И он провозглашал... «Я окрестил вас водою» (Марк, гл. 1, ст. 4—8).

В сороковых годах нашего века в пещерах Иудейской

пустыни, в местностях Кумран, Айн Фешха, Вади Мурраббаат и других, прилегающих к Мертвому морю, были найдены свитки одной из иудейских сект, вероятно, ессеев, содержащие «Устав» этой секты. Он предписывал совершать множество ритуальных обрядов, прежде всего омовений. В нем же говорится, что пренебрегающий этими установлениями «не удостоится прощения и не очистится водой очищения, не освятится морями и реками, и не очистится всей водой омовения, нечист, нечист будет во все дни, пока отвергает закон бога... ибо духом света божьей правды искупаются пути человека». В Кумране обнаружены и бассейны для ритуальных омовений.

Откуда же пришел обряд крещения в христианство?

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕЩЕНИЯ

Христианское крещение имеет корни в древнеиранской религии — в маздаизме, в культе религиозной секты мандейцев, воспринявших верования маздаистов и иудеев.

Маздаизм возник три тысячи лет назад в Средней Азии, а затем распространился в Иране. Он стал господствующей религией в период царствования Сасанидов, длившейся в Иране 400 лет — от III до VII века. Потом маздаизм в Иране был почти уничтожен, но сохранился до настоящего времени в Индии, среди так называемых парсов. Маздаизм исходит из концепции дуализма, борьбы света и тьмы, олицетворенной в образах доброго бога Ахурамазды и змееобразного бога зла Анхра-Майнью, между которыми идет непрерывная борьба.

Маздаизм часто называют зороастризмом по имени мифического пророка Зороастра, который считается его основателем. Учение Зороастра изложено в Зенд-Авесте («текст с комментарием»). Там рассказывается, что в борьбе против Ахурамазды Анхра-Майнью создал себе в по-

мощь целый сонм злых и вредных духов, среди которых особой силой обладает дух злобы и насилия Аешма-дэв (Асмодей), а также целые легионы низших «друкш-нашус», вызывающих всякие болезни и несчастья. Ахурамазда создал прародителей людей — первую человеческую пару — Мешма и Мешиану, но их соблазнил злой дух, и они, как Адам и Ева, поели запретного плода.

Авеста предписывает для изгнания бесов омовения в воде. В законодательной части Авесты, изложенной в книге Вендидад, содержатся правила жизни для истинно верующих (мазда-яснов). Среди этих правил главное — законы ритуальной чистоты, требование совершать многочисленные омовения.

Ученые доказали, что маздаизм оказал огромное влияние на библейские верования в дьявола, на формирование культа воды в древнем иудаизме.

Древние евреи познакомились с маздаизмом в то время, когда они жили под властью Ахменидов — от завоевания Вавилонии Киром до покорения Ирана Александром Македонским (538—331 до н. э.), потом под владычеством Сасанидов — от Ардшира (226 н. э.) до завоевания Ирана арабами.

Между Авестой и Библией найдено сходство в мифах о порядке миросотворения и грехопадении первых людей, в верованиях в ангелов и демонов, в воскресение мертвых, в законах ритуальной чистоты. В книге Даниила указывается семь архангелов. Число их совпадает с числом таких же помощников амешаспентов в Авесте, вероятно, олицетворениях семи планет. Образ сатаны в видении пророка Захарии тождествен образу Анхра-Майнью. Иудеи исполняли иранские предписания ритуальных омовений, обливали себя 9 кабами (каба равен емкости 6 куриных яиц) воды перед молитвой, как этого требует Авеста. Они пользовались иранскими мерами измерения при определении

емкости ритуального бассейна. Большинство талмудических законов о ритуальной чистоте заимствованы из Авесты. Существовавший в Иерусалимском храме обычай устраивать в праздник кущей процессии вокруг алтаря с вербами в руках также заимствован у иранцев. Авеста требует, чтобы человек во время молитвы держал в рукахココ бересму. Вербы же очень напоминают эту бересму. Обряд возлияния на алтарь в дни того же праздника также заимствован из маздаизма.

Христианский чин крещения был заимствован из иудейского культа через посредство маздаизма.

В начале первого века в Месопотамии распространилась религиозная секта мандейцев, воспринявшая древние верования иранцев и иудеев. Эта секта называется по имени высшего бога света и добра Манды, что означает «слово жизни». От священных книг мандейцев сохранились многочисленные обширные отрывки, относящиеся к самым различным эпохам и написанные на арамейском языке. Наиболее интересной книгой является «Сокровище». В ней рассказывается, что от царя света Манды произошло все. Библейские пророки Авраам, Моисей и Христос являются лжепророками. Истинный пророк Иахия (Иоанн), посланник небесного мира света, в течение сорока лет крестил бесчисленное множество людей в Иордане. Он установил водное крещение и омовение, указал путь в светлое царство.

Секта мандейцев распалась. Многие стали манихейцами, последователями иранского пророка Мани, проповедовавшего в III веке религию, сочетающую в себе зороастризм и христианство. В настоящее время небольшое количество мандейцев живет в Иране и Ираке и говорит на иранском и арабском языке.

Изучение священных сочинений мандейцев показало, что в их культе огромное значение имеет почитание воды.

Магические обряды мандейцев, особенно крещение, было основано на ритуальных омовениях. В 1915 году была издана мандейская «Книга Иоанна», а в 1920 году «Литургия». Изучение этих «священных писаний» убедило ученых, что мандейское крещение было прототипом христианского. В 1929 году немецкий ученый Рихард Рейтценштейн установил, что мандейское крещение, совпадающее не только по ритуалу, но и по богословским его идеям с христианским таинством, восходит к древнеиранским и древнеиндийским обрядам. Таким образом, не христианство послужило источником для мандейского культа, а, наоборот, оно само подверглось его влиянию.

У мандейцев таинство крещения будто бы открывает двери в царствие небесное. Это же утверждает и христианская церковь. Православная церковь поучает, что через крещение человек приобретает «право на наследование вечного блаженства» («Журнал Московской патриархии», 1968, № 1, с. 31). Священники ссылаются на Евангелие: «Если кто не родится от воды и духа, не может войти в царствие божие» (Иоанн III, 5). «Разве вы не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть его крестились. Итак, мы погреблись с ним крещением в смерть, дабы как Христос воскрес из мертвых славой отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Римл., гл. 6, с. 3—4).

Иоанн Златоуст поучал, что крещение — ключ к райскому блаженству на том свете: «Крещение есть одновременно погребение и воскресение».

Духовенство внушает, что таинство крещения приводит человека к мистической победе над смертью, что оно «провозвестие о вечной жизни»: «Чрез таинство крещения мы входим в семью детей отца небесного и приобретаем право на наследование вечного блаженства». Поэтому вера в необходимость совершать религиозный обряд крещения

держится часто на надежде с помощью его попасть в рай.

Знаменитый испанский писатель Мигель Уномуно вел задушевную беседу с простым неграмотным крестьянином. «Как бы отнесся, — спрашивает писатель крестьянина, — к такому положению: бог есть, но душа человека все-таки умирает?» — «Тогда для чего же бог? Зачем ходить в церковь? Кому нужны ее таинства?» — ответил крестьянин.

«Житие святого Василия Нового» изображает православный рай, застроенный большими чудесными домами, окруженными прекрасными садами. Ворота украшены золотом и драгоценными камнями. Над каждым домом надпись, чей он. Монах Митрофан, сочинивший в 1909 году три тома «Как живут наши умершие», решил, что эти дома электрифицированы. Он писал о наличии «электрического света... в месте праведников».

Вера в существование бессмертной души, на которой основано учение о загробном царстве, появилась потому, что люди не могли правильно объяснить смерть, сон, обморок, не имели верных представлений о строении своего тела. Человек верил, что у него есть душа, которая находится в теле, пока он живет, и покидает его, когда он умирает. Люди предполагали, что когда человек спит, то из него душа временно уходит. В старину было поверие, что нельзя поворачивать уснувшего лицом вниз, чтобы не затруднить душе обратный путь. В Индии считалось, что человек совершил убийство, если разрисовал лицо заснувшего, ибо душа может не узнать его и тогда спящий больше не проснется. Христианское выражение «усопший» (т. е. уснувший) вместо «умерший» является пережитком представлений о смерти как о сне. От веры в «исход души» у нас сохранилось выражение: «От страха душа ушла в пятки».

Когда-то вера в существование загробного мира была у некоторых племен настолько сильна, что если их вождь считал нужным что-либо передать «на тот свет», то он призывал раба, передавал ему поручение и отрубал голову.

Вера в «живую воду» как колдовское средство воскресения мертвых объясняется тем, что вода смывает нечистое, олицетворяемое у многих племен и народов с черным, а этот цвет считался признаком дьявола — носителя тьмы и смерти.

Многие народы придавали особое значение освященной воде, полагая, что она не портится так быстро, как обычная.

Иногда «святая вода» действительно не портится. Это происходит потому, что в нее опущен серебряный крестик. Но ведь такого же результата можно достичь, если вместо креста опустить в воду любой серебряный предмет, ибо уже давно установлено, что серебро обладает способностью поглощать бактерии, вызывающие гниение.

Но вернемся к таинству крещения. После троекратного погружения в воду священник надевает на младенца крестик. Это амулет, который будто бы предохраняет от бесов. У разных народов были различные амулеты: у мусульман в рубашку зашивали лоскуток с заклинанием — тумор, у верующих евреев над постелью роженицы вывешивали амулеты для ограждения ее и ребенка от демонов.

Поклонение кресту присуще не только христианству. У древних египтян крест был символом бессмертия, связанный с вечностью солнца, которое умирает и вновь возрождается. Христиане заимствовали почитание креста из древнеязыческих культов, связав его с мифом о распятии Христа на кресте. По своему же происхождению крест восходит к деревянному крестообразному прибору, при

помощи которого путем вращения деревянной палочки люди когда-то добывали огонь. И сам огонь, и крестообразно скрепленные палочки, при помощи которых его получали, сделались предметами религиозного почитания.

В христианстве крест — символ жизненных лишений и страданий, которые человек должен терпеливо переносить во имя Христа. Верующим внушают идею покорности, призывают «нести свой крест»: «Христос терпел и нам велел». В брошюрке «Три слова о несении креста», изданной в 1906 году, епископ Феофан поучал, что, «видя скорби, несчастья и слезы, не удивляйся и терпи их, не досадуй, не ропщи, у каждого свой крест, другому не завидуй». В листовке «Наши кресты», изданной Троице-Сергиевой лаврой, митрополит московский Иннокентий писал: «Господь повелел нам взять крест свой. Под именем креста разумеются страдания и горести. Взять крест свой — значит принимать и безропотно переносить все, что бы ни случилось с нами в жизни нашей неприятного, горестного, печального, трудного и тяжелого. И поэтому обидит кто тебя, или причинит тебе печаль, или ты при всех неотступных трудах терпишь нужду и недостаток, или даже самая нищета подавляет тебя — все это перенеси без злобы, без ропота, без пересудов, без жалобы, не считай себя обиженным и не жди за это земной награды, но переноси все это с любовью, радостью и твердостью».

Магическое значение имеет и христианский молитвенный жест — крестное знамение. Старообрядцы крестятся двумя пальцами, остальные православные — тремя, католики — пятью. Смысл крестного знамения такой же, как в начертании магического круга вокруг человека: чтобы его не тронула нечистая сила. Когда-то христиане верили, что при помощи крестного знамения можно потушить пожар, утихомирить бурю, излечить больного, усмирить ди-

ких зверей. Вспомним повесть Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством» — в ней кузнец Вакула подчинил себе черта при помощи крестного знамения.

Этот молитвенный жест был известен задолго до христианства. Он существовал в древнегреческом культе.

Человек верил, что, подняв вверх три пальца, он сможет отогнать от себя злую силу.

Сохранилась бронзовая отливка руки с троеперстием, посвященной богу Сабазию, которого почитали в восточной части Средиземноморья. У почитателей бога Митры был обычай ставить на груди и на лбу крест — знак огня и солнца, знак спасения и вечной жизни. В каноне японской буддийской секты сингон существует обряд моления Будде, включающий различные комбинации движения пальцев.

Таким образом, все таинство крещения оказывается пережитком религиозных верований и обрядов, несовместимых с научным миропониманием.

«КРЕЩАЕТСЯ РАБ БОЖИЙ...»

Научно-материалистическое мировоззрение не может примириться с крещением не только потому, что оно основано на вере в существование всего сверхъестественного: бога и дьявола, царствия небесного, магической силы воды и креста.

Крещение отражает давно исчезнувшие социальные отношения, возникшие в Римской империи в эпоху рабовладения. Первоначальное христианство возникло среди рабов и вольноотпущенников, покоренных и угнетенных народов, а поэтому в своих верованиях и культе выразило идеи рабства. Видный итальянский религиовед Амброджио Донини доказал, что вера, лежащая в основе таинства крещения, в «спасение», «искупление», «воздаяние», созда-

на рабами. Термины «искупление», «воздаяние» первоначально означали «выкуп раба на волю». Стоимость его могла быть оплачена самим рабом или внесена за него кем-нибудь. Грешник, неспособный освободиться, уплатив божеству сумму своего выкупа, нуждается во вмешательстве «искупителя», который платит за него своими муками и самой смертью. «Выкупную плату» люди вносили сатане, во власти которого будто бы находился человек. В евангелиях говорится, что «сын человеческий не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих» (Матф., гл. 20, ст. 28; Марк, гл. 10, ст. 45).

Одной из самых распространенных причин рабства была задолженность. Рабами становились из-за невозможности уплатить долги. Молитва ранних христиан имела весьма ясный смысл: «...прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Матф., гл. 6, ст. 12).

Православная формула крещения гласит: «Крещается раб божий во имя отца, аминь. И сына, аминь. И святого духа, аминь». Крещаемому постригают волосы в знак послушания и подчинения, как стригли в древности рабов. Видный византийский богослов Симеон Солунский объяснял пострижение при крещении как знак рабства перед богом и послушания ему.

К. Маркс указывал, что христианство оправдывало рабство, проповедовало необходимость существования классов — господствующего и порабощаемого, провозглашало все гнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей премудрости ниспосылает искупленным им людям. Христианство учило подчинению и смирению, презрению к самому себе, самоунижению, обещая за все перенесенные на земле муки блаженство в раю.

В Новом завете множество текстов, освящающих рабство: «Раб, который знал волю господина своего ... и не делал по воле его, бит будет много» (Лука, гл. 13, ст. 47), «рабы, во всем повинуйтесь господам вашим, не в глазах только служа им, но в простоте сердца, боясь бога» (Колосс., гл. 3, ст. 22), «повинуйтесь господам своим со страхом и трепетом... как Христу» (Ефес., гл. 6, ст. 5), «повинуйтесь господам не только добрым, но и суровым» (1-е Петра, гл. 2, ст. 18) и т. д. Все эти поучения рабства глубоко чужды нам, советским людям.

При социализме человек не может быть ничьим «рабом». Христианин же, считающий бога «царем небесным», а себя самого «рабом божиим», должен воздавать богу знаки почтения, как подданный царю. Духовенство учит, что коленопреклонение есть выражение повинности перед богом, а падение ниц — глубочайшего смирения. Анализируя «Краткий православный молитвослов», изданный Московской патриархией в 1955 году, социолог В. С. Кулик подсчитал, что там из 314 упоминаний бога он 275 раз называется «господом», 20 раз «владыкой» и 19 раз «царем». В этом сборнике молитв человек 91 раз призывается говорить «помилуй», 88 — «спаси душу», 67 — «избавь от зла», 42 — «исцели», 31 — «научи», 23 — «не оставь», 21 — «уповаем на тебя» и т. д. Человек должен 99 раз назвать себя «грешником», 41 — «рабом», 10 — «немощным» и т. д.[1] Все эти просительные, благодарственные и хвалебные молитвы, стихи, стихиры, кондаки, тропари, ирмосы, акафисты, антифоны содержат просьбы, вопли, воздыхания, стенания, слезы глубоко несчастных людей, удрученных бедами и горем.

Сознательному, просвещенному человеку чуждо ожидание помощи от «святого крещения». Для него возгласы

---

[1] См.: «Вестник ЛГУ». Философия, 1967, № 23, с. 120.

о «рабе божием» глубоко унизительны. М. Горький писал: «Таинственное выгодно только для тех, кто хочет обманывать, для того, чтобы властвовать. Пролетариат Союза Социалистических Советов строит новое общество на строго научных данных. Ему не нужно никакой таинственности, кроме той, которую показывают на эстрадах и на аренах цирков профессиональные фокусники и которая служит для того, чтобы забавлять. Пролетариат все более быстро овладевает оружием науки, которая, смело исследуя «тайны», не верит в существование «непознаваемого», неутомимо проникая в область непознанного. Знание науки, расширение техники — вот основная сила пролетариата, вернейшее оружие его самозащиты и залог победы в борьбе, которую он первый так успешно начал и так неутомимо продолжает»[1].

---

[1] М. Горький. О религии. М., ГАИЗ, 1941, с. 254—255.

Глава третья

ЗАГАДКИ СВЯТОГО ПРИЧАЩЕНИЯ

Во время беседы с А. А. Осиповым о христианских таинствах разговор не дошел до главного из них — святой евхаристии, или причащения. А для христиан нет таинства выше, потому что с помощью его будто бы происходит соединение людей с Иисусом Христом. И в наши дни православное духовенство продолжает проповедовать, что «божественная евхаристия» есть «таинство теснейшего единения христианина с своим господом и учителем богочеловеком Христом чрез приобщение его пречистых тела и крови» («Журнал Московской патриархии», 1966, № 2, с. 57). Христианская церковь считает, что это таинство есть «лекарство бессмертия». Принявший его получает будто бы гарантию своего спасения в царствии небесном. В «Журнале Московской патриархии» была даже опубликована молитва отца церкви Василия Великого, в которой говорится, что в евхаристии причащающиеся соединяются с умершими праведниками.

Таинство причащения совершается в церкви во время обедни, или литургии.

Духовенство учит, что во время причащения хлебная лепешка, называемая у православных просфорой (приношением), а у католиков — гостией, или облаткой, будучи освящена при посредстве особой церемонии, становится

телом Христа. Эта просфора изготовляется из пшеничной муки, замешенной на чистой воде с прибавлением соли и закваски из дрожжей. Когда ее пекут, то читают Иисусову молитву. Просфора состоит из двух соединенных между собой круглых частей, верхней и нижней, знаменующих, что Иисус Христос имел два естества: божественное и человеческое. На просфоре есть изображение креста с именем Иисуса Христа и словом «Ника», означающим победу Христову.

Известно выражение фокусников «хокус-покус». Вот откуда оно возникло. В средние века произносили «священную формулу», до сих пор изрекаемую католическим священником во время мессы при выносе «святых даров» — облатки из бездрожжевого теста: «Хок эст корпус меум» («сие есть тело мое»).

Во время таинства причащения вино тоже «непостижимым образом перестает быть тем, чем было, и непостижимым образом превращается в кровь Христа».

Священник выпивает теплую кровь Христа (в вино подливают горячую воду, чтобы оно напоминало теплую кровь). В православной церкви глоток вина выпивают и миряне. После Второго Ватиканского собора католикам-мирянам разрешено приобщаться не только хлебом, но и вином.

Католическая и православная церкви требуют, чтобы это таинство понималось буквально, реально, а не фигурально, не символически: «Истинно и действительно, хлеб пресуществляется в истинное тело господа, которое родилось в Вифлееме от девы Марии, пострадало, погребено, воскресло, вознеслось и сидит одесную бога отца, а вино претворяется в истинную кровь господа, которая пролита на кресте».

Еще в средние века были еретики, которые сомневались в этом. Они считали, что гостия, как всякий хлеб,

переваривается в человеческом желудке. Католическая церковь называла таких вольнодумцев «стеркоранистами», что значит «почитатели навоза». Их арестовывали и истребляли. Другие еретики доказывали, что Иисус Христос не может находиться в «святых дарах», ибо тогда у него миллионы тел.

В XVIII веке таинство причащения беспощадно критиковал выдающийся французский философ-материалист, атеист и коммунист-утопист священник Жан Мелье. Он с возмущением обличал богоедство, совершаемое во время этого таинства, доказывая, что никакого чуда превращения хлебной лепешки и вина в тело и кровь Иисуса Христа произойти не может. «Люди дошли до такого ужаса, что после того, как они некогда славили бога, принося ему в жертву людей, они ныне приносят в жертву самого бога,— писал Мелье.—...Всякий культ и поклонение богам есть заблуждение, злоупотребление, иллюзия, обман и шарлатанство... Отбросьте же полностью все эти пустые и суеверные обряды религий, изгоните из вашего ума эту безумную и слепую веру в мнимые тайны».

ВЕЛИКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СВЯЩЕННИКА-АТЕИСТА

Жан Мелье родился 15 июня 1664 года в деревне Мазерни провинции Шампань. Отец Жана был деревенским ремесленником-ткачом по сарже. Он отдал сына в Реймс в духовную семинарию, по окончании которой в 1687 году Жан стал священником. В 1689 году он получил приход в небольшой деревушке Этрепиньи в Шампани, насчитывавшей всего 150 жителей. В этой деревне Мелье прожил до конца своих дней. Прихожане очень любили своего священника за необычайную добро-

ту, за бескорыстную помощь, которую он оказывал беднякам (Мелье отдавал часть своего дохода крестьянам, отказываясь от платы за требы).

Мелье много читал. Он глубоко изучил великое атеистическое произведение древности «О природе вещей» Лукреция Кара, сочинения замечательных французских философов Монтеня и Декарта. Но особенно многому научила Мелье сама жизнь его прихожан, жестоко угнетаемых сеньором.

В 1716 году Мелье выступил с церковной кафедры против владельца деревни Этрепиньи сеньора Антуана де Гули, осудив его за жестокое обращение с крестьянами. Сеньор пожаловался на дерзкого священника архиепископу реймскому кардиналу де Майи. Он обвинял Мелье в небрежном отношении к своим обязанностям, в нежелании исповедовать прихожан, в отсутствии уважения к дворянству. Архиепископ вызвал к себе строптивого священника и сделал ему в присутствии сеньора де Гули строгое внушение.

Архиепископ потребовал также, чтобы Мелье призвал прихожан молиться за их сеньора. В первое же воскресенье после возвращения в свой приход Мелье сказал крестьянам с церковной кафедры:

— Вот какова обычно судьба бедных сельских священников; архиепископы, которые сами являются сеньорами, презирают их и не прислушиваются к ним, у них есть уши только для дворян. Помянем же сеньора нашего селения и помолимся о нем. Попросим бога, чтобы он обратил его сердце и даровал ему благодать не обращаться дурно с крестьянами и не грабить сирот.

С тех пор архиепископ реймский кардинал де Майи возненавидел строптивого священника, заступившегося за крестьян.

Мелье умер в мае 1729 года в возрасте 65 лет, завещав все свое имущество прихожанам. Он просил, чтобы его похоронили не на церковном кладбище, а в саду.

Каково же было изумление прихожан и близких Мелье, когда в бумагах священника были обнаружены три огромных манускрипта с надписью «Мое завещание». На бумаге, в которую были завернуты рукописи, Мелье писал: «Я видел и познал ошибки, заблуждения, бредни, безумства и злодеяния людские. Я почувствовал к ним ненависть и отвращение. Я не осмелился сказать об этом при жизни, но я скажу об этом, по крайней мере, умирая и после смерти. Пусть знают, что я составляю и пишу настоящий труд, чтобы он мог служить свидетельством истины для всех тех, кто его увидит и прочтет, если им будет угодно».

Жан Мелье, простой деревенский священник, понял, что религия помогает феодалам угнетать крестьян. Он знал, что рассказать правду об этом — значит неминуемо погибнуть. И вынужден был надеть на себя личину религиозности, служить мессы, скрывать свои истинные взгляды. Мелье писал, что взялся за перо, чтобы по мере сил своих раскрыть людям глаза на все те заблуждения и суеверия, в которых воспитывают народ. В тиши ночей философ-самоучка создал великое завещание. Оно не имело себе равных в истории атеистической литературы XVIII века по гневному пафосу и силе ненависти к религии и церкви.

Богоборец и тираноборец Мелье беспощадно критиковал королевскую и церковную власть, дворянство и духовенство.

В то время, в начале XVIII века, во Франции дворянству и духовенству принадлежала половина всех земель. Огромные налоги и тяжелые повинности были так обременительны, что в неурожайные годы почти четверть

французских крестьян жила подаянием. Духовенство же считалось первым сословием, и церковь имела сотни миллионов ливров дохода в год. Католическая церковь всецело поддерживала гнет королевской власти, освящая его божественным авторитетом. Вот почему в народных массах Франции нарастали протест и ненависть как против сеньоров и королевских чиновников, так и против католических пастырей. В середине XVIII века маркиз д'Арджансон писал: «Причина падения религии во Франции кроется в доходящей до крайности ненависти к священникам. Ни один служитель не осмеливается показаться на улице, не рискуя быть освистанным». Уже в начале XVIII века в ряде мест крестьяне отказывались платить церковную десятину, то есть отдавать духовенству десятую часть урожая, расправлялись с наиболее жадными священниками, поддерживающими дворян.

Сын деревенского ткача, Мелье, живший среди крестьян, любивший их и мечтавший об освобождении и счастье народа, был выразителем этого протеста трудящихся против гнета помещиков и духовенства. Он был идеологом крестьянства, идейным вождем демократического движения масс. В «Завещании» великий просветитель выразил чаяния обездоленных крестьянских масс, поднимавшихся на борьбу против угнетателей.

Французский народ создал бесчисленное множество сказок, песен и пословиц, которые обличают церковь. Они в сжатом виде содержат те же мысли, что проповедовал Мелье в «Завещании»: «Поповская сумка без дна», «Поп ждет покойника», «Черт под старость в монахи пошел», «Три были на свете целомудренные монахини: одна в мир сбежала, другая в бане захлебнулась, а третья еще не сыскалась», «Хочешь быть счастливым — хлебни как следует вина, хочешь счастья на три дня — женись, не-

делю хочешь всласть пожить — свинью зарежь, но если хочешь весь свой век прожить без труда, то в рясу обрядись» и т. д. Во всех французских деревнях в XVII веке пели песенку о том, как веселится кюре, узнав, что умер крестьянин:

Священник весело поет,
Какой хороший день встает,
Мужик помре в селе,
Мужик помре в селе,
Девке молвит поп:
Какая радость — новый гроб!
Мужик помре в селе,
Мужик помре в селе.
Беги к соседним всем попам,
Пускай на пир приходят к нам,
Мужик помре в селе,
Мужик помре в селе.

Беспощадно обличая церковь и ее служителей, Жан Мелье черпает силу в мыслях и настроениях широких народных масс Франции. Не случайно Мелье, так же как французский крестьянин, о котором Маркс говорил, что он изображает чертей в образе своих врагов, отождествлял нечистую силу с дворянством. «Наши художники заблуждаются и обольщаются, когда изображают на своих картинах дьяволов в виде ужасных и страшных чудовищ,— писал Мелье.— Они обольщаются, говорю я, и обольщают вас так же, как и ваши проповедники, когда одни в своих картинах, а другие в проповедях изображают вам дьяволов такими безобразными, уродливыми, нескладными. Художники и проповедники должны были бы лучше изображать их вам в виде всех этих прекрасных господ, всех этих власть имущих и знатных, всех этих прекрасных дам и девиц, которых вы видите такими разряженными, завитыми, кудрявыми, напудренными, разду-

шенными, сияющими золотом, серебром и драгоценными камнями».

Критика религии и церкви восходит также у Мелье и к идеям его великих предшественников-вольнодумцев: к книге великого римского атеиста Лукреция Кара «О природе вещей», к сочинениям Лукиана, этого «Вольтера классической древности», как его называл Ф. Энгельс, к замечательной сатире вольнодумца Ф. Рабле, к «Опытам» французского философа-скептика XVI века Мишеля Монтеня, которого так часто цитировал Мелье в «Завещании». Он знал о героической борьбе против церкви Джулио Ванини, сожженного на костре за атеизм в 1619 году в Тулузе, о жизни, деятельности и идеях Бенедикта Спинозы.

Жан Мелье отрицал существование бога, сотворение мира и бессмертие души. Он исходил при этом из глубоко продуманных и развитых им материалистических философских положений.

Гневное и смелое разоблачение религии сочеталось у Мелье со страстной критикой классового общества. Философ доказывал, что главная несправедливость — это непропорциональное распределение богатств между людьми. Оно вызвано частной собственностью, которая неизбежно порождает социальное неравенство и служит причиной неисчислимых бедствий и страданий. Люди от природы равны, но короли, дворяне и священники захватили все богатства земли, а народу оставили в удел только тяжелый труд и лишения.

С революционной страстностью Мелье призывал к ниспровержению существующего строя и установлению общности имущества, видя путь к этому в объединении всех угнетенных для борьбы с угнетателями. Он жаждал наступления народной революции в королевской Франции и предпринял свой труд для подготовки революционного

3 Заказ 231

восстания. Жан Мелье ярко рисовал картины будущего коммунистического общества, в которых все люди трудятся и пользуются результатами своего труда на равных основаниях.

БОГОЕДСТВО

В «Завещании» Жан Мелье гневно обличал христианские таинства. Обращаясь к верующим, он писал:

«Все, что ваши богословы и священники с таким пылом и красноречием проповедуют о религии, превосходстве и святости таинств, которым они заставляют вас поклоняться, все, что они с такой серьезностью рассказывают об их мнимых чудесах, все, что они с таким рвением и уверенностью расписывают о небесных наградах и о страшных адских муках,— все это в сущности не что иное, как иллюзии, заблуждение, обман, измышление и надувательство. Этому слепо верили невежественные и темные люди из народа. Это поддержано было властью государей и сильных мира сего, которые потворствовали обману и заблуждениям, суевериям и шарлатанству и закрепили их своими законами для того, чтобы таким путем держать в узде массы и заставлять их плясать под свою дудку.

Правители безнаказанно злоупотребляют именем и авторитетом божьим для того, чтобы заставить почитать и бояться себя, чтобы внушать слабым и темным людям все, что им вздумается. Религиозные правила и обряды для правителей и их сообщников, а также для священников, которые управляют совестью людей и обеспечены теплыми местечками,— это золотое дно, рог изобилия, доставляющий им, как по мановению жезла, все блага и позволяющий этим господам развлекаться и жить в свое

удовольствие, тогда как нищий народ, который находится в сети религиозного кошмара и суеверий, тяжко и горько вздыхает и все же смиренно несет иго сильных мира сего. Он терпеливо переносит свои невзгоды и утешает себя тщетными молитвами, возносимыми к неслушающим его богам и святым. Он предается пустым религиозным обрядам, исполняет все покаяния, налагаемые на него после мнимого и суеверного исповедания грехов, и денно и нощно работает не покладая рук, чтобы кровью и потом добыть себе свое нищенское пропитание и обеспечить привольное и радостное житье виновникам всех его несчастий»[1].

Жан Мелье вспоминает по этому случаю пожелание одного человека:

«Он не отличался образованием и ученостью, но, по-видимому, не лишен был здравого смысла, потому что трезво судил о всех тех возмутительных злоупотреблениях и обрядах, которые я здесь порицаю».

Мелье приводит его пожелание, чтобы «все сильные мира и знатные господа были перевешаны и удавлены петлями из кишок священников».

Народная молва настойчиво приписывала А. С. Пушкину крылатое изречение:

Народ мы русский позабавим
И у позорного столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Жан Мелье особенно подробно критиковал таинство причащения: «Наши римские христопоклонники, равно как и прочие, не римские, бранят и осуждают язычников за то, что они поклоняются идолам из дерева, меди,

---

[1] Правда о религии. Сост. Л. И. Емелях. М., 1959, с. 30—31.

камня, гипса, золота или серебра; находят, что великое безумие и великое ослепление человеческое было и есть поклоняться таким образом статуям и неподвижным идолам, в которых нет ни жизни, ни чувства и которые не могут оказать никому ни добра, ни зла.

Римские христопоклонники смеются над этими идолами и воображаемыми божествами из дерева или камня, золота, серебра и т. п., эти идолы, говорят они, имеют глаза и не видят, имеют уши и не слышат, имеют уста и не говорят, имеют ноги и не ходят, имеют руки и ничего не могут делать и т. д. Разумеется, они вполне правы, насмехаясь над такими божествами и над теми, кто им поклоняется. Но почему же они сами так глупы и безумны, что делают то же самое и сами почитают бессильных идолов или фигурки из теста, которые в некотором смысле еще меньше, чем идолы из золота и серебра? К нашим римским христопоклонникам можно применить тот упрек, который делал черный чугунок котелку, когда они друг друга попрекали своей чернотой. «Горе тебе, горе черному»,— говорил котелок чугунку.

Они видят у своих братьев-язычников безумие их идолопоклонства, но в то же время совсем не замечают в самих себе гораздо большего безумия, большего идолопоклонства, большего суеверия. Я имею здесь в виду не идолов из дерева, камня, меди, гипса, золота и серебра, которым наши римские христопоклонники воздают такие же внешние почести, как язычники своим ложным божествам. Я говорю главным образом об их малых идолах из теста и муки, которые они пекут между двух железных листов, затем светят и вкушают повседневно, хотя почитают их действительно за своего бога и спасителя.

Если божество действительно желает, как уверяют наши христопоклонники, чтобы ему поклонялись под видом хлеба и вина, то почему оно не может и не могло воплотиться в дереве, камне, гипсе, меди, золоте и серебре и принимать поклонение в этих или подобных вещах или, если угодно, под видимостью их? Наши христопоклонники не станут отрицать, что их бог Христос мог бы с такой же легкостью превращать дерево, камень, золото и серебро в свое тело и кровь, с какой он якобы превращает в последние хлеб и вино; ибо если бы они стали отрицать первое, то столько же оснований отрицать и второе: значит, по их учению, одинаково возможны были бы оба эти случая, и, следовательно, божество могло бы, если угодно, столь же истинно обретаться в идолах из дерева, камня, золота, серебра и гипса, как и в малых идолах, или фигурках из теста, которым поклоняются римские христопоклонники. Последние оказались бы в этом отношении в одинаковом положении с язычниками, и основания были бы одинаковы у тех и у других, потому что одинаково легко сказать, что божество пребывает в идолах из дерева, камня, золота и серебра или — в идолах из теста и муки.

А впрочем, если поразмыслить о том, что более подобает величию бога, то, по всей видимости, ему скорее подобало бы заставлять поклоняться себе в прочных и солидных предметах из дерева и камня или из другого дорогого материала, как золото, серебро, а не в ничтожных малых фигурках из теста и муки, лишенных всякой прочности, могущих расползтись от дождя, разлететься от ветра или же стать добычей крыс и мышей. Без сомнения, слепота и безумие со стороны язычников — верить, будто божество действительно пребывает в их идолах из дерева, камня, золота и серебра или гипса. Но ослепление еще гораздо большее и безумие несравненно более великое

у наших христопоклонников, верящих, что их бог истинно пребывает телом и душой, со всей своей плотью, костями и кровью в ничтожных фигурках из теста и муки, которые может сдуть слабый ветерок или же съесть крохотная мышь.

Что бы вы сказали, мои милые друзья, если бы вам сообщили, что в некоторых иноземных странах существует народ и религия, у которых народные массы и жрецы поедают своих богов и боги представляют собой лишь жалкие фигурки из теста, пекущиеся между двух железных листов, освященные жрецами при помощи четырех произносимых тайно слов, причем эти боги заботливо сохраняются в ящичках из боязни, чтобы их не поели крысы и мыши, или чтобы их не унес ветер? Конечно, вы посмеялись бы над простодушием или, вернее сказать, глупостью этих бедных невежд, поклоняющихся богам, которых могут съесть крысы и мыши и которых способен унести малейший ветер, если не позаботиться об их сохранении, как упомянуто выше. Вы, конечно, рассмеялись бы, если бы не чувствовали, что этот смех обратится против вас, потому что вы — тот народ, который так безрассудно поедает своего бога, вы обоготворяете и в то же время благочестиво и благоговейно вкушаете фигурки из теста, которые ваши священники учат вас отождествлять с вашим богом и с вашим божественным искупителем.

Удивительно странный обычай существует у христиан: народы исповедуют у них благочестивое поедание богов. Веруя, что они таинственно вкушают своего бога, они поют: «О, чудо! бедный, смиренный раб жует своего господа». Это верх варварства. Каким образом можно было внушить людям, как бы ни было мало в них здравого смысла, такие странные, такие нелепые вещи? Как удалось убедить их в том, что все тело и кровь, душа и бо-

жественность богочеловека действительно оказываются под видом и образом ничтожной фигурки из теста или капли вина? Мало того, это тело и кровь находятся не только в целой фигурке из теста и в капле вина, они в то же время находятся целиком в каждой части этой фигурки и в каждой доле этой капли вина! Как убедить людей в том, что все вещество этой фигурки из теста и все вещество этого вина превращается в тело и кровь богочеловека и что это превращение совершается в одно мгновение силой и действием только четырех слов, произносимых священником над этими фигурками и вином? Сколько раз ни вздумают священники произносить упомянутые слова над фигурками и вином, последние каждый раз будут менять свою субстанцию на вещество тела и крови богочеловека! Последний, таким образом, оказывается одновременно в тысяче и тысяче тысяч, в миллионах различных мест, притом без всякого умножения своего существа, и без всякого разделения его!

Без сомнения, во всех языческих религиях нет ничего до такой степени смешного и нелепого. Богословы, умеющие так хорошо порицать и осуждать заблуждения идолопоклонства у язычников, не стыдятся сами простираться ниц перед немыми идолами и перед ничтожными маленькими фигурками из теста, как самые невежественные люди из народа. Они не стыдятся проповедовать всенародно и во всеуслышание среди народа то, что сами так открыто осуждают у язычников? Разве это не обман, не явное злоупотребление своими функциями? Неужели они думают, что пустое и смешное освящение, которое они совершают над этими ничтожными кумирами из теста, имеет больше силы, чем обряд освящения, совершаемый язычниками над своими идолами из дерева, камня, золота или серебра?

Разве не видят эти слепые учители, что поклоняться и требовать поклонения фигурам и идолам из теста, предполагать, будто священники имеют власть освящать их и превращать в богов с помощью четырех пустых и легкомысленных слов,— значит распахивать настежь двери всякого рода идолопоклонству?»[1]

ТАЙНА СВЯТОГО ПРИЧАЩЕНИЯ

Духовенство всегда ссылается на «непознаваемость» таинства евхаристии, уверяя, что человеческий разум будто бы не в состоянии понять «велие чудо», которое происходит во время обедни. «Если разум ищет рационального понимания таинства святого причащения,— говорят священники,— то он погибает. Только в послушании веры наш разум цветет и благоухает».

Но историческая наука объяснила происхождение таинства евхаристии. Корни этого религиозного обряда восходят к тотемизму. Тотемизм от североамериканских индейцев-алгонкинов (слово «от-отем» буквально означает «его род») — это религия раннеродового общества. Она основана на вере в сверхъестественное родство между группами людей и различными предметами, чаще всего животными и растениями.

Первобытный человек не выделял себя из природы. Кровнородственные и производственные связи внутри охотничьих общин извращенно отражались в сознании людей в виде тотема (фантастического предка рода). Группа людей вела свое происхождение от этого чудесного предка. Тотемизм сохранился у туземцев Австралии, североамериканских индейцев. У них каждое пле-

[1] Правда о религии. Сост. Л. И. Емелях. М., 1959, с. 111—115.

мя делится на род, носящий название тотема. Члены рода считают свой тотем отцом, старшим братом или другим родственником. Они рассказывают в своих мифах о его приключениях, разыгрывают эти мифы в обрядах. Главный обряд — ритуальное поедание тотема.

Один из нивхов, слушая священника, объяснявшего таинство причащения, вспомнил, как он приобщался к своему тотему — убитому медведю, отведав его мяса во время медвежьего праздника. Нивх простодушно сказал священнику: «Каждый человек своего бога кушает».

В причащении отразилось первобытное тотемистическое представление, что, съедая мясо какого-нибудь существа, человек приобретает его свойства.

Пережитком этого религиозного обряда было причащение, известное многим религиозным культам древности задолго до возникновения христианства. Древний поэт Еврипид описывает, как поклонницы бога Диониса во время представления его «страстей» раздирают живых быков на куски и тут же их пожирают. Еще в III веке нашей эры, по сообщению писателя Аркобия, вакханки в религиозном исступлении раздирали живых коз и ели сырое мясо.

В глубокой древности люди верили, что за их грехи боги требуют искупительных жертв, прежде всего человеческого мяса.

Писатель-этнограф прошлого века С. В. Максимов в книге «Нечистая, неведомая и крестная сила» рассказывает о том, как у славян произошла замена человеческих жертвоприношений водяному различными подарками. «Упорно держится повсюду слух,— писал С. В. Максимов,— что водяной требует жертв живыми существами, особенно от тех, которые строят новые мельницы. С этой целью в недалекую старину сталкивали в омут какого-

нибудь запоздалого путника, а в настоящее время бросают дохлых животных (непременно в шкуре). Вообще в нынешние времена умиротворение сердитых духов стало дешевле: водяные, например, довольствуются и мукой с водой в хлебной чашке, и крошками хлеба, скопившимися на столе во время обеда, и т. п. Только по праздникам они любят, чтобы их побаловали водочкой... Некоторые старики рыболовы доводят свои угождения водяному хозяину до того, что бросают ему щепотку табаку: «На тебе, водяной, табаку! Давай мне рыбки».

В древнем мире в жертву богам приносили военнопленных, скот и хлеб. Когда пленников, обращаемых в рабство, стало невыгодно убивать, вместо человеческих жертв богам начали приносить животных или плоды. Римляне рассказывали связанную с этим легенду о царе Нуме Помпилии. Он вел переговоры с богом Юпитером, который хотел человеческих жертв, но прямо об этом сказать не решался, а Нума делал вид, что не понимает бога. «Ты принесешь мне голову»,— намекал Юпитер. Нума принес в жертву головку чеснока. «Нет,— воскликнул Юпитер,— я имею в виду нечто человеческое». Нума принес человеческие волосы. «Я хотел иметь живое!» — закричал Юпитер. Нума принес живую рыбку. Так владыка богов и людей остался без человеческих жертвоприношений. От кровавых жертвоприношений люди перешли к символической замене жертвы фигуркой из теста.

Христианское причащение было заимствовано из мистерий язычников. Советский ученый А. Б. Ранович отмечал в «Очерке истории раннехристианской церкви», что введение таинства причащения было одновременно и средством приспособления к языческому миру и средством обособления от него. «Вводя свои таинства,— писал

А. Б. Ранович,— христианская церковь получала возможность противопоставить их языческим жертвоприношениям и благодаря тому отмежеваться от них»[1].

В наиболее древних христианских сочинениях об Иисусе говорится не как о человеке, а как об агнце (ягненке), принесенном в жертву, ускользнувшем от дракона и вознесшемся на небо. Он часто называется «ягненком божьим». В средние века в Западной Европе из воска изготовляли символическое изображение Иисуса Христа: ягненок с крестом. В пасхальные дни водили по улицам живого ягненка, украшенного цветами и лентами, делали из сахара фигурку барашка, а за пасхальным ужином ее съедали. В раннехристианском искусстве Иисус нередко изображался в виде агнца, проливающего кровь в жертвенную чашу. Во время воскресного богослужения православный священник режет церковный хлебец-просфору, изображающий тело Христово, и произносит: «Приносится в жертву ягненок-бог».

В «Житиях святых» рассказывается, что однажды за литургией преподобному Нифонту, епископу Кипрскому, было видение, объяснившее суть таинства святого причащения: «Во время перенесения даров открылась церковная завеса, и раскрылось небо, и ощущалось великое благоухание. Потом стали сходить вниз ангелы с пением: «Слава Христу богу!» Они принесли прекрасного отрока, поставили его на дискос, а сами окружили престол и служили честным дарам; два же серафима и два херувима, паря над его головою, покрывали своими крыльями. Когда наступило время освящения даров и совершения страшного таинства, один из светлейших ангелов приступил и, взяв нож, заколол отрока; кровь он выпустил в святую чашу и, положив отрока на дискосе, сам стал снова с бла-

---

[1] А. Б. Ранович. О раннем христианстве. М., 1959, с. 373.

гоговением на свое место... По окончании святой службы Нифонт увидал, что отрок вдруг опять оказался целым — на руках ангельских и вознесся на небо».

Таким образом, таинство святого причащения не что иное, как пережиток человеческих жертвоприношений.

Многие замечательные русские ученые и писатели еще при царизме отвергали таинство причастия. С резкой критикой его выступал великий писатель земли русской Лев Николаевич Толстой в романе «Воскресение». В одной из своих статей он спрашивал, в чем разница между язычником, мажущим сметаной своего бога, и православным, съедающим кусочек своего бога? В 1901 году специальным постановлением святейшего синода Л. Н. Толстой был отлучен от православной церкви за то, что «не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из таинств — святую евхаристию».

14 апреля 1928 года в калужской газете «Коммуна» был опубликован ответ великого русского ученого Константина Эдуардовича Циолковского на вопрос корреспондента: «Почему вы не верите в бога?» Отец космонавтики говорил: «Мой разум не оставляет места для веры в необъяснимое, для веры в сверхъестественное существо. Тем более он враждебен всей религиозной мишуре — почитанию бога, обрядам, служителям культа. Научное мировоззрение несовместимо с верой в бога».

Циолковский доказывал, что христианские таинства по своему существу ничем не отличаются от различных религиозных обрядов древних язычников. Он писал о таинствах причащения, соборования, брака: «Если съешь кусочек хлеба с вином или без вина, то будешь в будущем счастлив и избавишься от наказания за сделанные тобою

преступления. Если помажешься ароматическим маслом, то выздоровеешь, если совершишь ряд ни к чему не ведущих обрядов, то можешь заключить союз с женщиной, в противном случае — нельзя. Эти обычаи ничем не отличаются от веры в три свечи, в сны, в 13 число, в почесывания и в разные другие приметы. Они составляют такой же позор человечества, как и все безрассудные поступки»[1].

---

[1] К. Циолковский. Любовь к самому себе, или Истинное себялюбие. Калуга, 1928, с. 3.

Глава четвертая

ПРАВДА О ТАИНСТВАХ СВЯЩЕНСТВА И ПОКАЯНИЯ

ДУХОВЕНСТВО О ТАИНСТВЕ СВЯЩЕНСТВА

Католическое и православное духовенство утверждает, что в отличие от обрядов, установленных людьми (погребение умерших и т. д.), имеющих церковное, а не божественное происхождение, таинства учреждены самим Иисусом Христом. Тридентский церковный собор провозгласил в XVI веке анафему всем, кто осмелится сомневаться в том, что святые таинства установлены Иисусом Христом.

Православное духовенство учит, что «таинства — это богоучрежденные священные действия, они обнимают и сопровождают всю жизнь человека от начала до конца ее, передавая верующему видимым образом невидимую благодать божию».

«Христианские таинства», конечно, не были «богоучрежденными» обрядами, а в основе своей заимствованы из древних религиозных культов. Ф. Энгельс писал, что в наиболее раннем христианском произведении «Откровении Иоанна» («Апокалипсисе») не упоминается никаких таинств. Первыми из них появились в христианстве крещение, при совершении которого христианин посвящался в члены общины, и причащение. У палестинской религиозной секты, существовавшей в I веке до н. э. в районе Кумрана на берегу Мертвого моря, как мы уже говорили, были обряды, похожие на раннехристианское крещение

и причащение. У кумранитов существовали священное омовение и благословение хлеба, который после этого съедался общиной.

Священство стало таинством лишь в VII веке, а покаяние, миропомазание, елеосвящение — в IV—V веках. Окончательно семь таинств были официально признаны католическим церковным собором в Лионе в 1274 году. Еще позднее они были приняты православной церковью.

Духовенство не довольствуется претензией на божественное происхождение этих церковных обрядов, но проповедует, что «согласно... верованию церкви все таинства совершает сам бог руками епископов и пресвитеров» («Журнал Московской патриархии», 1962, № 9, с. 61).

Для православных и католиков главное в таинствах — мнимая возможность мистического общения с богом при помощи этих обрядов. Православные верят, что церковь — это «мистическое тело Христа», которое своими таинствами приобщает христиан к богу. По учению католической и православной церквей, духовенство с помощью святых таинств совершает чудеса: защищает новорожденных от козней бесов, исцеляет от болезней, дает вступающим в брак «дары святого духа», очищает всех от грехов, обеспечивает «загробное блаженство».

В 1972 году в «Журнале Московской патриархии» была опубликована статья о взглядах «святителя» Дмитрия Ростовского на таинство священства. Он утверждал, что Иисус Христос ключи от «царствия небесного» передал апостолам, чтобы они открывали верующим его двери, а апостолы после своей смерти передали эти ключи своим преемникам. Теперь ключи находятся у православных священников, которые с помощью таинств открывают верующим двери в рай.

По учению церкви, человек становится священнослужителем, получает право совершать таинства, приобре-

тает духовную власть посредством особого таинства священства. Во время этого обряда, совершаемого с произнесением заклинаний и возложением рук на посвящаемого, благодать «святого духа», как уже упоминалось, будто бы чудесным образом передается посвящаемому. Разным степеням священников она передается неодинаково: наибольшая ее часть снисходит епископам, большая — пресвитерам, а меньшая — дьяконам.

Этот обряд рукоположения, хиротонии (по-гречески: действие силой рук) — пережиток магического значения руки. В глубокой древности люди наделяли руку колдовской силой, верили, что эта сила через руку передается от одного человека к другому.

Духовенство учит, что благодать, будто бы исходящая от таинств, передается верующим механически, независимо от достоинств священника: «Личные недостатки священника не умаляют и не обессиливают таинств, совершаемых им... как не терпит вреда светлое золото, если покрыто оно грязью...» («Журнал Московской патриархии», 1962, № 4, с. 61). Такое учение позволяет духовенству уйти от обвинений, что если оно ведет недостойный христианский образ жизни, то и совершаемые им таинства не действительны.

В книге «Критика догматического богословия» Л. Н. Толстой, разоблачая таинство священства, писал: «Православная церковь? Я теперь с этим словом не могу не соединить никакого другого понятия, как несколько нестриженых людей, очень самоуверенных, заблудших и малообразованных, в шелку и бархате, с панагиями[1] бриллиантовыми, называемых архиереями и митрополитами с тысяч других нестриженых людей, находящихся в самой дикой, рабской покорности у этих десятков, занятых

[1] Панагия — нагрудный знак православного архиерея, носимый на цепочке.— *Л. Е.*

тем, чтобы под видом каких-то таинств обманывать и обирать народ»[1].

В «Обращении к духовенству» Л. Н. Толстой писал, что священники всех христианских исповеданий, распространяя и поддерживая среди людей церковное учение как истинное и спасительное, причиняют зло. Он утверждал, что их проповедь приносит вред для умственной деятельности и производит нравственное извращение в душе человеческой, так как распространяет учения, чуждые современному здравому смыслу и нравственному чувству. «Эта проповедь тем ужаснее,— говорит Толстой,— что духовенство проповедует ради своих честолюбивых, корыстных целей, часто само не верит в то учение, которое проповедует».

Да и само духовенство было в полной мере откровенно и цинично в своих признаниях. В IV веке один из «отцов церкви», Григорий Богослов, писал другому «отцу церкви», святому Иерониму: «Надо побольше небылиц, чтобы производить впечатление на толпу. Чем меньше она понимает, тем больше она восхищается. Наши отцы и учителя всегда говорили не то, что думали...»

С мнением Григория Богослова был согласен и епископ птоломандский Синезий, также живший в IV веке. Он писал: «Народ безусловно хочет, чтобы его обманывали. С народом иначе нельзя поступать именно потому, что это народ. Философом я буду только для себя и про себя, с народом же и для народа я всегда буду только священником».

Некоторые папы римские, считавшие себя «вице-доминусами», то есть заместителями бога, «наместниками бога на земле», откровенно издевались в своем кругу над тем, что они проповедовали верующим.

---

[1] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 23. М., 1957, с. 296.

Папа Бонифаций VIII (1235—1303), о котором говорили, что он пришел к власти, как лисица, управлял, как лев, а умер, как собака, известен по ряду документов своими антирелигиозными изречениями. В числе этих изречений, подтвержденных четырнадцатью свидетелями, имеются такие откровенные признания:

«Все религии являются человеческими измышлениями и призваны держать людей в узде».

«Глупо верить в бога, который одновременно един и троичен».

«Я не верю ни в бога, ни в Христа, но я требую от христианских народов веры в то, что мне, как наместнику Христа, как наместнику бога, полагается высшая власть на земле».

«Сколько пользы принесла нам эта басня о Христе!»

«Нельзя верить учению о непорочном зачатии, о воскресении и о вочеловечении бога».

«Дева Мария была такой же девственницей, как и моя мать».

«Учение о будущей жизни не соответствует истине».

«Святые воскреснули так же, как моя издохшая серая лошадь».

«Лишь дураки и юродивые верят, что кто-то когда-то мог вернуться с того света».

«Христианские таинства — только комедия».

По словам папы Александра VI Борджиа (1431—1503), всякая религия хороша, но лучшая из них та, которая наиболее глупа.

Папа Павел III (1534—1549), утвердивший орден иезуитов, говорил испанскому послу при Ватикане Д. Хуртадо де Мендоса, что Иисус Христос никогда не существовал, но образ его нужен, чтобы обманывать народ.

Эти циники на папском престоле были так уверены в своей власти, что не боялись (разумеется, в узком, ин-

тимном кругу) издеваться над самыми священными для верующих предметами. Не только князья католической церкви, но и рядовые священники утрачивали веру и служили в церкви, как говорит русская пословица, «не для Иисуса, а для хлеба куса». Так, например, французский каноник Ж. Жильсон (1796—1876) свидетельствует в мемуарах: «...тысячи образованных священников не верят больше в непогрешимую католическую церковь. Один из высших иерархов церкви заверял меня, что в Париже две трети священников не верят больше ни в пресуществление, ни в ад. Когда народы, наконец, когда-нибудь убедятся, как много образованных священников не верят больше, пробьет последний час господства духовенства».

Никто так резко отрицательно не относился к церковному сану, как многие священнослужители. Самые кощунственные нападки на молитвы, непристойные анекдоты о героях «священного писания» в царской России чаще всего создавались духовными лицами, которые во время кутежей устраивали «елеосвящение поросенку» или такие неописуемые надругательства над культовыми предметами, которые была способна выдумать лишь дикая фантазия бывших семинаристов, злобно ненавидящих рясу, но вынужденных ее носить.

В 1912 году черносотенный монах Илиодор (С. Труфанов), обличая иерархов православной церкви, говорил: «Кто вы? Вы все — карьеристы. В бога, в загробную жизнь вы не верите. Проповедуя же о ней, вы только морочите темных, простых людей. Вы людям постоянно указываете на небо, велите им там приготовлять сокровища, а сами заботитесь только о том, чтобы побольше здесь себе собрать богатства».

Другой черносотенец — архиепископ Антоний (Храповицкий), впоследствии митрополит волынский, откровенно признавал, что церковь служила царизму: «Если в Цар-

ском Селе пожелают, мы и борова поставим в митрополиты».

Связь православных «пастырей» с полицией, с охранкой возмущала людей, даже очень далеких от революционного движения.

Среди православного духовенства были и честные священники, которые тяготились тем, что их заставляли служить царизму. «Мы наемники своего правительства,— открыто признавался в церковной печати один священник,— мы чиновники в своих приходах, да еще с полицейскими функциями».

Писатель С. Гусев-Оренбургский, бывший в конце XIX века священником и снявший с себя сан, в повестях и рассказах говорил о брожении среди молодого православного духовенства.

Во время первой русской революции были священники, которые открыто критиковали церковь. В 1906 году архимандрит Михаил (Семенов) ушел из православной церкви и стал петербургским старообрядческим епископом. Он так отзывался о священниках: «Из духовенства никто не верит в бога. Оно служит при церкви только для насущного хлеба и легкой наживы за счет других. Духовенство не верит в таинство исповеди... Попы, эти черные жандармы деспотизма, всеми силами стараются удержать рост падения религии, хотя сами давным-давно не могут смотреть друг на друга без смеха, вспоминая о тех нелепостях, которые они проповедуют народу за приличное вознаграждение».

В брошюрах «О церковном обмане», «О веротерпимости», «Письмо к священнику» Л. Н. Толстой призывал духовенство снимать сан, разоблачать перед народом ложь и обман церковных таинств. В письме к одному православному священнику Толстой писал: «Лучший выход из этого положения — героический выход, по-моему, тот,

чтобы священник, собрав своих прихожан, вышел к ним на амвон и, вместо службы и поклонов иконам, поклонился бы до земли народу, прося прощения у него за то, что вводил его в заблуждение»[1].

В 1905 году несколько десятков честных священников сняли с себя сан, не желая быть духовными полицейскими. После Великой Октябрьской социалистической революции многие священнослужители, отказываясь примыкать к тем группам духовенства, которые держали себя враждебно по отношению к Советской власти, последовали этому совету.

15—16 августа 1928 года в Воронеже состоялся областной съезд бывших служителей культа, снявших церковный сан. Этот небывалый в мировой истории съезд бывшего духовенства обратился к верующим и священнослужителям, призывая их порвать с религией.

В начале 1938 года после долгих раздумий снял с себя сан ленинградский митрополит Николай Федорович Платонов.

О ТАИНСТВЕ ПОКАЯНИЯ

В 1938—1940 годах Платонов выступал в ленинградских домах культуры, на фабриках и заводах, рассказывал о том, почему он ушел из церкви. Эти рассказы он называл своей исповедью перед народом. В одной из них он говорил:

«Перед всеми верующими и неверующими я хочу исповедаться в том, как в течение многих лет проповедовал идеи, не соответствующие истине, рассказать, почему я ушел из православной церкви.

[1] Л. Н. Толстой. Письмо к священнику. Изд. Н. Н. Орфенова. М., 1903, с. 5.

Для того чтобы покинуть церковь, пробыв в ней 23 года священником, епископом и даже митрополитом ленинградским, должны быть очень серьезные причины.

Я был в молодости искренне верующим человеком и стал священником по призванию. В 1914 году я окончил Петербургскую духовную академию. Священником был с 1914 года при Андреевском соборе в Петрограде, читал лекции в Московской академии и в Петроградском богословском институте. С 1925 года был епископом, а с 1934 года — Ленинградским митрополитом...

Я, пользуясь своим положением, стал внимательно наблюдать, что происходит среди духовенства, изучал людей, имевших влияние в церкви, их симпатии и идеалы, и чем дальше, тем яснее становилось мне, что религия — орудие обмана и лжи...

Я решил исповедаться перед народом. В речи перед своими прихожанами в Андреевском соборе я рассказал им, почему ухожу из церкви. Моя исповедь ничего общего не имеет с тем «таинством покаяния», которое происходит в церкви».

Николай Федорович рассказывал, что такое православная исповедь:

«Исповедь занимает видное место среди обрядов православного культа. При одиночной, «частной» исповеди полумрак в церкви, мерцание свечей, интимность разговора создают нервное состояние у человека. При общей исповеди такое состояние усиливается тем, что сотни людей переживают общий нервный подъем, который вызывает и вздохи, и плач, и даже истерики.

Для священников исповедь служила всегда не только средством обирания верующих, но и политическим орудием. До последнего времени на языке священников исповедь называется «сенокосом». И действительно, это своеобразный «сенокос»: но это сбор не сена, а рублей.

Верующие и не подозревают, что доверие, которое они оказывают попам на исповеди, те используют в своих целях.

Сколько женщин делаются жертвой сластолюбия священников только потому, что в интимной обстановке исповеди создаются подходящие условия для развращения! Посмотрите список вопросов, которые должен предлагать «духовник», согласно чину исповеди, напечатанному в церковной книге Требник: здесь и вопросы о противоестественных грехах, здесь и выспрашивание подробностей грехов против супружеской верности.

На исповеди каждый священник умеет выспрашивать тайны человека, которые затем помогают ему держать этого человека в своих руках. Этой возможностью священники широко пользовались при царском режиме, когда на исповеди узнавали о революционно настроенных людях. На этих людей они потом доносили властям...

Помимо индивидуальной исповеди в православной церкви была исповедь общая, которую ввел в церковь известный черносотенец отец Иоанн Кронштадтский (И. И. Сергиев), «популярный» «чудотворец».

В газетах стали появляться сообщения о мнимых чудесах Сергиева и рекламы его «общих исповедей», через газеты объявлялось, где и когда он служит и т. д. Предприимчивые дельцы стали издавать его портреты, синод выпустил альбомы путешествий этого попа. У Сергиева появились не только выезды, но и собственные пароходы, на которых он и разъезжал в сопровождении специальных корреспондентов газет и художников...

Иоанн служил по заведенному им самим трафарету. Действовал он больше «оригинальностью» приемов. То вдруг выкрикнет «возглас», то упадет на колени, когда это не полагается по церковному уставу, то подбежит от престола к жертвеннику и сделает вид, что читает ворох

бумажек, поданных «о здравии» и «за упокой», и т. д. Говорил Сергиев в проповедях об «антихристе», метал громы и молнии против революционеров, вопил о «скорой кончине мира», слал проклятия науке, искусству, театрам, культуре. Проповеди сопровождались призывом каяться. Разместившиеся в разных местах храма иоанниты кричали о «божественной силе» проповедника, заражали своим исступлением слабонервных. Над толпой стоял общий стон. Это и была пресловутая «общая исповедь»...

...Моя исповедь — не церковное покаяние, а рассказ, основанный на документах о прошлом православной церкви, о ее деяниях, современником, а иногда участником которых я был».

Этот отрывок из воспоминаний Н. Ф. Платонова, хранящихся в рукописном отделе Музея истории религии и атеизма, не потерял интереса и до наших дней.

Подробный рассказ Н. Ф. Платонова о «механизме» общей исповеди сейчас особенно ценен, так как она стала заменять в современной православной церкви индивидуальную исповедь. Еще в 1929 году патриарший синод разрешил общую исповедь: после чтения молитвы, перечисления грехов и признания верующими своей греховности священник отпускает грехи сразу всем покаявшимся. Индивидуальная исповедь совершается лишь для священнослужителей.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАИНСТВА ПОКАЯНИЯ

Ничто так не разоблачило таинство священства, как практика отправления таинства покаяния, использовавшегося для полицейского сыска, шпионажа и разврата.

Исповедь — то есть перечисление вслух своих грехов с целью «очищения» и избавления от них — очень древний

религиозный обряд. Изучение обрядов древних религий показывает, что исповедь в грехах существовала за много тысяч лет до появления христианства и что «очищение от зла» было хорошо известно языческим религиям. Итальянский ученый Р. Петтаццони изложил в двух томах описание обряда исповеди у многих племен и народов.

В государстве Перу инки готовились к исповеди несколько дней — соблюдали посты, каялись в грехах особым лицам, которые назначали верующим наказания соответственно их проступкам — суровый пост, бичевание и т. д. Исповедь у инков совершалась на открытом месте. Кающийся приносил с собой разноцветные зерна маиса, которые обозначали его грехи. Зерна перемалывали, муку клали на полированный камень, и грешник садился напротив исповедника. «Слушайте, скалы, окружающие меня, моря, птицы, — восклицал кающийся, — я буду признаваться в своих грехах». Затем шло перечисление грехов, за которые исповедник назначал наказание, и грешник сдувал с камня разноцветную муку, что должно было означать очищение от грехов. Иногда исповедь кончалась омовением грешника в реке или источнике, сожжением одежды кающегося. В некоторых местностях Перу грешник приносил с собой охапку сена или травы, обозначавшую его грехи, и после исповеди плевал в нее и бросал в огонь или реку.

Исповедь возникла потому, что люди верили, будто несчастья и бедствия — это наказание духов за нарушение различных запретов и законов. Поэтому считалось необходимым освободиться от грехов, которые как нечто нечистое могут нанести человеку большой вред. Нужно выбросить эту нечисть, сжечь, потопить или переложить ее на когонибудь.

Каких только не было колдовских способов избавления от грехов! Жители островов Индийского архипелага раз

в году изготовляли лодку и пускали в море, полагая, что она унесет все их грехи, могущие породить болезни и беды.

Кто не называл человека, который принимает на себя все беды, «козлом отпущения»? У верующих евреев есть праздник иом-кипур — день очищения и искупления грехов. В древности в этот день совершался обряд, о котором в Библии рассказывается так: «Пусть первосвященник... возложит... обе руки на голову живого козла и исповедает над ним все беззакония сынов израилевых и все преступления их, во всех грехах их, и возложит их на голову козла и отошлет с нарочным человеком в пустыню. И понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую» (Левит, 16, 5—22). При этом люди кричали: «Возьми наши грехи и уходи, возьми и уходи». Козел, приведенный в пустыню, низвергался с высокой скалы в пропасть. Такой способ очищения от грехов был весьма распространен среди многих народов.

Позднее у верующих евреев установился другой обычай — каппоры (очищения, искупления). Вечером накануне судного дня мужчина брал в правую руку связанного петуха, а женщина — курицу и описывали ими три круга над головой, полагая, что все грехи перейдут на птицу. «Пусть это будет моим искуплением, моей жертвой и заменит меня, — говорил верующий, — этот петух пойдет на смерть, а я обрету счастливую, долговечную и мирную жизнь». Потом птицу бросали под стол, что должно было означать: бери на себя все мои грехи, а сам ступай к черту.

В дальнейшем понятие о грехе изменилось; в нем видели уже не приставшую к человеку «нечисть», которую можно переложить на козла или петуха. В классовом обществе грехом считается прежде всего нарушение правил эксплуататорской морали, которая предписывает трудя-

щимся покорно нести «свой крест». Исповедь получает новое назначение — держать верующих в повиновении.

По учению православной церкви, таинство покаяния — это «священнодействие», при котором священник «силой духа святого» освобождает исповедующегося и кающегося от грехов. После исповеди христианин будто бы «снова делается невинным и освященным, каким он вышел из воды крещения». С грехами и с очищением от них получается, однако, не очень-то логично. Ведь церковь утверждает, что Христос своей смертью раз и навсегда искупил все грехи; откуда же опять взялся грех? Духовенство учит, что «каждому христианину во святом крещении дана была светлая брачная одежда». Если крещение делает человека безгрешным, то почему он снова грешит? Верующий кается, «очищается» и продолжает грешить. Получается сказка про белого бычка: не согрешишь, не покаешься, не покаявшись, не спасешься, а покаявшись, начинаешь грешить снова.

Чтобы выйти из затруднения, церковь объявляет грех «делом дьявола». Выходит, что дьявол сильнее бога: бог уничтожает грех, а дьявол снова вводит. Где же «всемогущество» бога, где его «благодать»?

Во времена раннего христианства обряд покаяния совершался публично перед епископом в присутствии всей общины. Грешнику тут же назначалось наказание во искупление вины. Исключения допускались для женщин во избежание огласки их грехов, чтобы легче преодолеть женскую стыдливость, спасти их от позора, преследований мужей. Когда христианские общины разрослись и епископам стало слишком трудно выслушивать каждого члена общины, они завели особых помощников — духовников. Тайная исповедь была окончательно установлена римским папой Иннокентием III на Четвертом Латеранском соборе в 1215 году.

ТАЙНЫ ИСПОВЕДАЛЬНИ

Зная благодаря исповеди не только дела, но и тайные мысли верующих, духовенство приобретало над людьми большую власть. Официально провозглашена полная тайна исповеди, на деле эта тайна нарушается, когда это нужно церкви и господствующим классам.

В 1879 году во Франции вышла книжка священника Хиникви «Католическая исповедь и женщина», в которой доказывалось, что исповедь у «безбрачного духовенства» — это училище разврата. Он подробно писал о муках, испытываемых католичкой, обманутой своим исповедником, заставляющим ее раскрывать ему, грязному цинику, самые сокровеннейшие мысли, отвечать на извращенные вопросы сластолюбца в рясе. Хиникви рассказывает про одного духовника, который в течение своей долголетней практики пастыря исповедовал свыше 1500 женщин и девиц и единственно для того, чтобы развратить их гнусными вопросами.

Многие из его духовных дочерей стали жертвами поповского сластолюбия. Одна женщина поведала Хиникви, как после четвертой исповеди священник за два дня до ее венчания приказал ей прийти к нему на квартиру. Она пошла, и духовник изнасиловал ее. «После свадьбы я находилась в связи с духовником, который стал другом моего мужа. Он находился в связи с десятками женщин, у которых был исповедником. Когда моя дочь от священника подросла и пошла к нему на исповедь, то он и к ней обратился со своими гнусностями».

Жертвы католических исповеданий были беззащитны, так как по католическим правилам исповедующийся не может переменить духовника. Даже если духовник угрожает чести исповедующегося, это не освобождает его от обязанности ходить на исповедь именно к нему.

В царской России было организовано утонченное истязание совести людей. Подготовка к таинству покаяния начиналась с великого поста, со специальных проповедей, «душеспасительных» бесед, призывавших к кротости, терпению, смирению, к прощению всех обид.

Архиепископ Платон в «Напоминании священнику о таинстве покаяния» поучал: «Бедных должно убеждать, чтобы они довольствовались своим состоянием и охотно несли бедность, которую они терпят по необходимости». В «Наставлении духовного отца духовным детям — хозяевам и обучающимся мастерству — перед исповедью», составленном протоиереем В. Марениным, говорится: «Ты нечестно поступаешь с хозяином, а господь, видевший тебя в работе твоей, считавший часы твоей работы, которую ты обещался отработать и не отработал, возмутился твоей нечестивостью и осудил тебя».

В руководстве «О правильном и душеполезном приготовлении к исповеди для женских учебных заведений», составленном протоиереем И. Романовым, говорится, что «нельзя верить только науке», «должно молиться за государя, государыню и семью их», «должно о сомнительном, противном учению церкви, слышанном, читанном немедленно спрашивать духовника» и т. п. Архиепископ Платон в «Напоминании священнику о таинстве покаяния» обращал внимание на то, что «в наше время главное наставление при исповеди ученых должно заключаться в том, чтобы они не предпочитали светских наук вере».

В царской России исповедь использовалась духовенством в целях шпионажа, как удобное средство выявления политически неблагонадежных элементов. 13 апреля 1722 года царь Петр I издал указ, обязывающий духовенство немедленно доносить властям об открытых на исповеди «преднамеренных злодействах против службы государевой или церкви».

В неофициальном издании 1910 года «Инструкции благочинному приходских церквей, изъясненной указами святейшего синода», составленной протоиереем А. Малевинским и утвержденной определением синода от 8 мая 1901 года, говорится: «Если бы кто при исповеди объявил духовному отцу своему об умысле на честь и здравие государя, или о намерении произвести бунт или измену... тому духовному отцу доносить о том немедленно... Подозреваемый немедленно должен быть взят под стражу, по взятии же его и начатии уголовного следствия духовник обязан все о том злом намерении слышанное объявить без всякой утайки во всей подробности».

В 1912 году была опубликована «Историческая переписка о судьбах православной церкви» между министром Витте и обер-прокурором святейшего синода К. П. Победоносцевым. Витте писал, что священник «превратился из духовного руководителя в агента полицейского надзора», так как «обязательность доносить об открытых на исповеди вредительных для государства вещах неотменный закон».

В руководстве И. Нечаева «Исповедь для юношества» исповедник должен был спрашивать: «Молишь ли бога за благочестивейшего государя императора нашего, за всю его императорскую высокую фамилию? Также за святейший синод молишь ли бога? Танцев не водишь ли?» Священник Гр. Дьяченко в книжке «Вопросы на исповеди детей» рекомендовал такие вопросы: «Молишься ли за царя?», «Уважаешь ли пастырей духовных», «Не читал ли сочинений, написанных во враждебном духе против святой церкви?», «Не слушал ли богохульного учения неверующих и еретиков?» Протоиерей Силин в книжке «Православная исповедь в вопросах» предлагал спрашивать чиновников: «Верно ли служишь государю», «Почитаешь ли начальников и исполняешь ли их приказания?»; выяснять

у учащихся: «Не замышлял ли чего худого против начальства и правительства?»; у крестьян: «Платишь ли подати?»; у живущих в услужении: «С аккуратностью ли исполняешь приказания хозяев, почтительно ли обходишься с хозяевами?»; у врачей: «Как относишься к вере и церкви?» и т. д.

А. И. Герцен в «Былом и думах» рассказывает, как его после ареста во время допроса пытался «исповедать» поп Георгий Соколов. «Тут только я разглядел, что в углу сидел старый священник, с седой бородой и красно-синим носом... протяжным голосом и несколько нараспев начал он меня увещевать; толковал и о грехе утаивать истину перед лицами, назначенными царем, и о бесполезности такой неоткровенности, взяв во внимание всеслышащее ухо божие; он не забыл даже сослаться на вечные тексты, что «нет власти, аще не от бога» и «кесарю — кесарево».

В 1861 году по подозрению в составлении «возмутительного воззвания» «К молодому поколению» был арестован литератор М. Л. Михайлов. Он не назвал автора воззвания Н. В. Шелгунова. В помощь жандармам был приглашен протоиерей крепостного Петропавловского собора Михаил Архангельский, который задавал Михайлову вопросы исключительно о его деле, расспрашивал, не скрывал ли он имени сообщника, не сговаривался ли с друзьями о побеге и т. п. «грехах».

Весной 1862 года крейсер «Олег» возвращался в Кронштадт из Средиземного моря. Иеромонах Палладий узнал на исповеди, что юнкер Трувеллер снабдил подшкипера революционной брошюркой «Что делать войску». Иеромонах Палладий донес об этом старшему офицеру, и Трувеллер был приговорен к каторжным работам на десять лет.

В отделе рукописей Государственной библиотеки имени

В. И. Ленина в переписке обер-прокурора синода Победоносцева хранится письмо от 6 марта 1883 года священника Покровского собора Григория Скворцова митрополиту московскому Иоанникию. В нем сказано: «Долгом считаю донести Вашему высокопреосвященству, что сего марта 5-го дня некая госпожа во время исповеди открыла мне, что зять ее — муж ее дочери, московский плац-адъютант Шестаков возбуждает в ней сильное подозрение в злоумышлении его против государя императора...»

В 1887 году во втором пехотном Софийском полку поп Иустин Переспелов на исповеди у солдата В. Белышева выпытал сведения о революционно настроенных солдатах, которые передал начальству. Не удивительно, что солдатские массы очень неохотно выполняли распоряжение начальства об исповеди. Протоиерей А. Знаменский в книжке «Об исповеди. Домашняя беседа полкового священника с солдатами» признавался, что «молодые ребята желают скорее только отделаться от исповеди».

В июне 1901 года «Искра» опубликовала корреспонденцию из Ярославля «Попы в роли жандармов». В ней говорилось, что на страстной неделе священник ярославской мужской гимназии исповедовал ученика 5-го класса. В числе вопросов, предложенных гимназисту, был и такой: «Не читал ли ты нелегальных книг?» — «Читал!» — «От кого получал?» — «От такого-то».— «Не давал ли кому-нибудь?» — «Давал».

В архивах есть много документов, подтверждающих, что во время первой русской революции священники использовали исповедь в целях борьбы с распространением революционных настроений среди крестьян. В 1905 году на Украине, в селе Казачьи Лагери (Днепропетровская область), священник Романов выпытал во время исповеди у крестьянина Г. И. Коршуна, что в селе есть революцион-

но настроенные люди, которых организует крестьянин Федоров. Священник донес об этом исправнику, и крестьян арестовали.

В 1905 году в селе Малиновка Аткарского уезда Саратовской губернии крестьяне захватили хлеб помещика и поделили его по душам. Сельский священник и дьякон распустили провокационные слухи, будто бы крестьяне хотят сжечь церковь. Священник организовал погром, во время которого земское начальство и кулаки били и кололи бедняков вилами, рубили тесаками, резали косами не только взрослых, но и детей. Избиением крестьян руководил дьякон.

«Товарищи,— писали жертвы избиений, арестованные крестьяне из тюрьмы,— прописываем вам про священника. Шпионством он занимался, спрашивал на исповеди молодых людей про книжки, брал последние крохи за требы, это беспощадный, кровожадный зверь».

Даже в тех случаях, когда исповедь не использовалась духовенством в целях сыска, она унижала достоинство людей!

Бывший православный священник А. Б. Чертков, ныне кандидат философских наук, активный пропагандист научного атеизма, писал: «Церковь требует, чтобы «кающийся» рассказывал постороннему человеку — священнику о всех своих делах, мыслях, чувствах и желаниях, раскрывал ему свою душу, вводил его в свой интимный мир, давал полный отчет о своей жизни. Далеко не каждый, даже глубоковерующий человек с легкостью идет на это, но церковь запугивает верующих тем, что «сокрытие» от священника какой-то стороны жизни является тягчайшим грехом. В результате верующие вынуждены унижаться, рассказывая о том, что бывает трудно поведать кому бы то ни было. Затем, стоя на коленях, они вымаливают прощения у священника, который час-

то в нравственном отношении не выше своих прихожан...

В своей среде священники иногда рассказывают друг другу об услышанных на исповеди грехах и различных «интересных» случаях, порой потешаются над «смешными» грехами. Тем самым интимная жизнь простодушного верующего становится достоянием посторонних лиц. Даже если священник окажется «порядочным» и сохранит тайну исповеди, все равно ему-то известна вся подноготная жизни того или иного прихожанина. При постоянных встречах со священником верующие не могут не испытывать определенной неловкости, стыда, связанных с тем, что другому человеку известно о них все, причем известны далеко не лучшие их качества и поступки. Это унижает человеческое достоинство»[1].

НАРОД ПРОТИВ ТАИНСТВА ПОКАЯНИЯ

В царской России православные народные массы обязаны были совершать таинства под угрозой жестоких наказаний. Церковь проклинала, накладывала анафему на тех, кто отвергал ее обряды. В глубокую старину за отказ от участия в таинствах людей подвергали пыткам, а нераскаявшихся жгли на медленном огне. Царский указ 1684 года объявлял государственными преступниками всех тех, кто не бывал у причастия, он предписывал их «пытать с пристрастием», «бить на козле кнутом», «сжигать в срубах, а пепел развеять». В 1650 году царь Алексей Михайлович писал воеводам, что «в городах, в селах, в деревнях христиане живут без отцов духовных, многие

[1] А. Б. Чертков. Об обычаях и обрядах. М., «Знание», 1976, с. 54—55.

и умирают без покаяния, а о том нимало не радеют, чтобы как исповедать грехи свои». Поэтому царь приказал: «А буде которые... на покаяние не пришли, таковых истязать... И таковым ослушникам быть с опалою без всякой пощады».

Помещики принуждали крестьян исполнять церковные обряды. Так, например, в XVIII веке граф Румянцев предписывал своим приказчикам «говеть и причащать всех принуждать без пропуску. А ежели кто который год не будет говеть, того плетьми, а которые не причастятся, тех сечь розгами, давая по пяти тысяч раз нещадно».

В XVIII веке число отказавшихся исповедоваться было так велико, что царским властям пришлось ввести специальную систему штрафов за «небытие у исповеди». Начиная с 1718 года каждый священник обязан был подавать ежегодно «ведомость о неисповедовавшихся» для изыскания с них штрафа. В 1723 году было решено «отказавшихся от исполнения долга исповеди посылать мужска пола на галеры, а женска пола на прядильные дворы». Впоследствии царские власти за систематический отказ от исповеди стали ссылать в Сибирь или в монастыри. Так, например, в московском Ново-Девичьем монастыре в 1820 году находилась Пелагея Иванова. «За небытие на исповеди семь лет» ей было предписано бесплатно работать на монастырь и каждый день бить по пятьдесят поклонов. В 1866 году в Соловецкий монастырь был заключен по царскому распоряжению Адриан Павлович Пушкин за то, что «не бывал у исповеди». В монастырском застенке он пробыл пятнадцать лет.

В XIX веке было издано много законов, принуждавших к исповеди. Статья 209 «Уложения о наказаниях», издания 1885 года, гласила: «Родители, не приводящие к исповеди детей своих, подвергаются за то особому вну-

шению от духовного и замечанию от местного гражданского начальства». При поступлении в средние учебные заведения требовали свидетельство об исповеди. «При бракозаключении должны были быть приложены... свидетельства о бытии на исповеди жениха и невесты». Не посещающих исповедь считали «политически неблагонадежными», «подозрительными» и увольняли с работы. Нередко рабочих не принимали на работу, если они не представляли справки о том, что они исповедались. Не бывшие на исповеди не могли быть свидетелями на суде. Если больной не исповедовался, то в случае смерти духовенство отказывалось его хоронить.

В царской России реакционная сущность религии и ее обрядов стала многим ясна задолго до того, как трудящиеся нашей Родины добыли себе свободу и появилась возможность открыто отказываться от них.

В начале XVII века русский народ создал сатиру на таинство покаяния — «Историю о прекрасном куре доброгласном, как он прииде на покаяние к лисице, к премудрой духовнице».

Эта старинная сатира сохранилась в стихах и в прозе, сказках и в лубочных картинках.

Однажды петух стал сокрушаться о своих грехах и решил убежать от мира в пустыню, чтобы там одному пребывать в раскаянии. Петух стал жить в лесу на дереве. Но к нему пришла «преподобная мати-лисица», пригласила спуститься к ней и принести покаяние в грехах: «Ты, мое милое чадо куря, хочешь во гресех своих тяжких умереть без покаяния». Лиса зовет петуха на молитву, ссылается на евангельскую притчу о гордом фарисее и смиренном мытаре: «Спиди ко мне, к преподобной жене лисице, и аз тя приму на покаяние с радостью, и приемлешь от меня прощение грехов своих». Умиленный петух спустился на землю и попал в лисьи когти. Лиса начи-

нает исповедовать петуха и корит его за многоженство текстами из священного писания: «Ты, лихой человек, держишь у себя много жен». На это петух отвечает также текстом из священного писания: «О сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и пекитеся велии, то будете наследницы царствия небесного». Лисица упрекнула петуха в ненависти к «брату своему», в том, что к ней, голодной, у него не было жалости, когда он помешал лисе украсть у крестьян курицу. Петух ответил евангельским текстом о невозможности служить двум господам и предложил взятку — устроить на службу к крутицкому митрополиту. Но хитрая лиса не согласилась и «сконча живот» петуха. «О, мати моя лисица, то ли мне от тебя праведное покаяние».

Сатира заканчивается шуткой об обирательстве духовенства: «Петуху вечная память, попу корова, дьячку кувшин браги, а просвирне кувшин молока, а пономарю книга, а кто прочитал, тому сто рублев в мошну, а кто слушал, тому по калачу, а кто не мешал, тому ничево».

Эта сатира полна свободомыслия: лиса и петух издеваются над текстами «священного писания», показывая, что Библия — как «дышло, куда повернул, туда и вышло».

Смысл повести таков: кто идет на исповедь, тот попадает в когти лисы.

В устной передаче у сказочников эта сатира имеет еще более яркое антицерковное содержание. Лиса говорит петуху: «Ты ни один раз в год на исповедь не ходишь, воскресения христова и праздников господних не чтишь». Сказка заканчивается победой петуха. Лиса, соблазненная взяткой, обещанием сделать ее просвирней у митрополита, когда петух будет там дьяконом, выпускает петуха: «Вырвался петух, взлетел на высокое древо, закри-

чал-завопил великим гласом: «Дорогая боярыня просвирня, здравствуй, велик ли доход, сладки ли просвиры?» Пошла лисица в лес, яко долгой бес, и взрыда горько: «Сколько-де я по земле не бывала, а такой срамоты от роду не видала. Когда бывают петухи в дьяконах, лисицы в просвирнях?»

Эта народная сатира на таинство покаяния была настолько острой, что еще двести лет назад благочестивые ханжи с гневом и ненавистью писали о ней. В 1783 году при издании сборника сказок «Старичок весельчак» из рукописи были выброшены все наиболее сильные сатирические места о куре и лисе: цитаты из священного писания, рассказ лисы о своей благочестивой жизни в посте и молитве, о том, что у нее куры живут в «епитимьях», пребывают в посте, упоминания о даре пророчества у лисицы, ее обещание, что петух после покаяния окажется «со святыми на небе», рассказ лисы, как она молится за грехи петуха, просьба петуха принести «патрахель, ризы и свеши», молитва петуха, когда он понял истинный замысел лисы, и т. д. Даже в 1870 году царский цензор Вакар протестовал против опубликования А. Н. Афанасьевым этой сказки о лисе-исповеднице.

Старинные русские пословицы показывают, что многие в народе знали, как священники соблюдают тайну исповеди: «Попу кайся, а попадье не провирайся» (т. е. поп рассказывает все секреты кающихся своей жене); «Поп Сеньку обманет, а Сенька попу правды не скажет»; «Волку велели каяться, а он кричит: «ягненка!»; «Лиса покаялась — стереги кур».

Во второй половине XIX века все большее число крестьян начало уклоняться от исповеди и причастия. В 1886 году писатель-народник С. М. Степняк-Кравчинский указывал по поводу причастия: «Официальные донесения сельских священников показывают, что в прихо-

дах, где проживает от 3 тыс. до 4 тыс. крестьян, этот важнейший обряд... выполняет лишь не более 200 или 300 прихожан. Часто встретишь среди крестьян, особенно тех, кто привык странствовать по земле русской, и это отнюдь не раскольники, таких, которые по 10, 15, 20 лет ни разу не причащались»[1].

В конце XIX — начале XX века во всех отчетах о состоянии епархий епископы отмечали рост религиозного индифферентизма народных масс, отказ многих православных от христианских таинств[2]. В 1905—1916 гг. в среднем ежегодно не бывала у исповеди и причастия одна треть православных, из которых многие уклонялись от исповеди и причастия «по опущению и нерадению». Были такие местности, где на исповедь и причастие не являлось свыше 80 процентов православных[3].

Описывая кризис православия накануне Великого Октября, один из видных деятелей Коммунистической партии В. Д. Бонч-Бруевич утверждал: «Неверие распространяется, к исповеди не идут... гражданские браки — без попа — все более становятся обычаем общества и народа»[4].

После Великой Октябрьской социалистической революции религиозная обрядность сделалась частным делом верующих, исполнение обрядов было лишено обязательности, регистрация новорожденных, заключение браков, похороны освобождены от опеки религии.

---

[1] С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции. М., «Наука», 1968, с. 6.

[2] См.: Л. И. Емелях. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.— Л., 1965, с. 26—129.

[3] Центральный государственный исторический архив СССР. Отчет Нижегородской епархии за 1916 г., ф. 796, оп. 440, № 2756, л. 67.

[4] В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 1. М., 1959, с. 202.

Мораль советского человека не имеет никакого отношения к религии, к христианскому понятию греха. Она требует такого поведения, которое шло бы на пользу делу строительства коммунизма, на пользу советскому обществу, социалистической Родине. Советскому человеку не нужно отдавать отчета о своей жизни и работе духовенству. Он связан с коллективом, с обществом, с партийной или комсомольской организацией, которые всегда ему помогут найти правильную линию поведения и избежать ошибок как в личной, так и в общественной жизни. Таинство же исповеди так же отходит у нас в прошлое, как и все другие религиозные обряды.

Глава пятая

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ТАИНСТВ

В нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции, обеспечившей в СССР подлинную свободу совести, достигнуты огромные успехи в деле освобождения трудящихся от влияния религии.

Победа социализма в СССР привела к тому, что человек труда впервые за свою многовековую историю по-настоящему почувствовал себя человеком, хозяином щедрой родной земли. В стране утвердились новые общественные отношения, свободные от эксплуатации и угнетения.

В борьбе за социалистические преобразования выросли новые люди, свободные от предрассудков старого мира. Сознательный труд на благо общества, организованный на научной основе, преобразил человека, неузнаваемо изменил его духовный облик, воспитал в нем высокие моральные качества, веру в свои силы, в возможность построения справедливого общества здесь, на земле.

Вот почему наша страна стала страной массового атеизма. Большинство трудящихся, убедившись в коренной противоположности науки и религии, в реакционности идей смирения и покорности, проповедуемых церковью, в бессмысленности ее культа, поняли вред религиозных предрассудков.

Как далеко шагнули советские люди за полвека стро-

ительства новой жизни! От ликвидации неграмотности миллионов крестьян и крестьянок, веривших, что гром и молнию посылает Илья-пророк, к овладению наукой и техникой, от сохи до ракеты.

На XXV съезде Коммунистической партии Советского Союза Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил, что советский народ создал новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало. «Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение».

«Другой главный итог пройденного пути — наш советский образ жизни. Атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими...»[1]

Для социалистического образа жизни характерна высокая сознательность, политическая информированность и социальная активность советских людей, строящих коммунистическое общество. Этот образ жизни неразрывно связан с распространением научного материалистического мировоззрения, с социалистической культурой, чуждой религиозной вере в сверхъестественные силы. Социалистический образ жизни показывает человечеству новые горизонты, открывшиеся в результате построения социализма, новые моральные ценности и идеалы, основанные на марксистско-ленинской философии. Все это способствует преодолению религии, освобождению от нее сознания и поведения людей. Они не могут не видеть великих гуманистических принципов социалистического образа жизни. Верующие часто ищут аналогий советскому образу жизни в евангельском учении. Православное духовен-

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 87.

ство говорит, что имеются «бесспорные достоинства социалистического образа жизни, во многом, как мы понимаем, созвучного идеалам христианства» («Журнал Московской патриархии», 1973, № 11, с. 61).

Христианская вера и ее культ, как бы духовенство ни пыталось приспособить их к социалистической действительности, глубоко чужды ей, потому что она опирается на научные знания, опровергающие фантастические вымыслы религии. Эти верования и обряды, тесно связанные со старым «личным стилем жизни» и поведения, неизбежно вступают в противоречие с социалистическим образом жизни, так как дают ложное, искаженное представление о действительности, неверные жизненные ориентиры, уводя верующих в мир фантастических грез. Религия оказывает вредное влияние на человека, на его психику, на его духовный мир. Она заставляет людей уповать на небесное воздаяние, снижает их творческую активность. «Кто все свое бытие, всю свою жизнь рассматривает как преддверие неба,— писал Ф. Энгельс,— не может относиться к земным делам с тем интересом, которого государство требует от своих граждан»[1].

Социалистический образ жизни предъявляет к людям ряд требований. Они должны обладать глубокой идейной убежденностью и огромной жизненной энергией, знанием и умением их применять, а религия затемняет сознание человека, сковывает его творческую активность и инициативу, воспитывает пассивность и инертность. Но противоположность материалистического мировоззрения религиозному не означает, что советский образ жизни не обеспечивает свободу вероисповедания и отправления религиозного культа.

Социализм впервые наиболее последовательно решил проблему свободы совести.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 490.

В СССР каждый гражданин имеет право верить или не верить в бога, исполнять или не исполнять религиозные обряды, беспрепятственно менять веру. В нашей стране никого не принуждают быть верующим или атеистом, совершать ритуалы религиозного культа или отвергать их. Все это — дело совести каждого гражданина, дело его убеждений.

В нашей стране происходит неуклонное сокращение числа верующих, снижается совершение ими религиозных обрядов. Ликвидация классового и национального гнета, отсутствие эксплуатации и безработицы, наличие гарантированного права на труд и отдых, коренное улучшение социальных условий жизни населения, развитие народного просвещения и образования, огромная воспитательная работа партии и правительства — все это привело многие миллионы людей к освобождению от религии. Она перестала оказывать влияние на их мышление и поступки, исчезла зависимость человека в выборе поведения от «заповедей бога». Сами деятели церкви признают упадок религии, пишут, что она уходит из жизни народных масс.

Проповедники антикоммунизма мечтают о воскрешении в нашей стране отмирающего христианского культа, чтобы с помощью его праздников и обрядов отвлечь советских людей от их нового образа жизни, от их социалистических праздников и обрядов, основанных на революционных, боевых и трудовых традициях. Радиостанции Ватикана, Англии, США, ФРГ настойчиво призывают советских людей соблюдать религиозные праздники и обряды. Десятки буржуазных радиоцентров, специализирующихся исключительно на религиозной пропаганде на языках народов Советского Союза, почти 13 часов в сутки проповедуют необходимость «спасения души» с помощью религиозных обрядов. В эфире часто льются звуки орга-

нов из католических храмов, гудит малиновый, то торжествующе радостный, то печальный перезвон колоколов православных церквей. Проповедники превозносят по радио благолепие храмов, как «отблеск красоты горнего мира», восхваляют исступленные поклоны верующих перед золочеными иконостасами.

Ежегодно в Советский Союз приезжают миллионы туристов из многих стран мира. Большинство иностранных граждан, посещающих СССР,— честные люди, которые хотят ознакомиться с образом жизни советского народа, с его культурой, с историческими памятниками. Но среди туристов встречаются и такие, которые хотели бы использовать свое пребывание в Советском Союзе для идеологических диверсий. Один иностранный микроавтобус совершал путешествие по нашим дорогам. У машины сильно осели рессоры, будто на них навалилась большая тяжесть. Между тем багаж туристов был невелик. В моторе находился тайник. У внутренней стенки — второй. У выхлопной трубы — третий. А в них стопки маленьких религиозных брошюрок, полных антисоветских побасенок. Эти «туристы» пытались провезти «душеспасительную литературу», чтобы потчевать ею советских людей.

Вот, например, изданный в Брюсселе журнальчик на русском языке «Логос». Его редакцию беспокоят успехи науки и техники в нашей стране, их влияние на мировоззрение советских людей. Научно-техническая революция создает «такое душевное состояние,— пишет доктор богословия Эрик Маскалл,— когда люди не склонны больше рассматривать мир, как творение божие». Люди, сокрушается автор, «больше не молятся об исцелении от болезни, а обращаются за помощью к медицине». Они «не молятся о ниспослании дождя, а читают метеорологические бюллетени и убеждены, что метеорологи вскоре

смогут не только предвидеть погоду, но и регулировать ее...».

Чего же хотят богословы, мистики и богоискатели? Отвлечь советских людей призывами о спасении души от строительства коммунизма. В этом журнальчике, издающемся в небесно-голубой обложке, так и написано: «Великим заблуждением нашего времени является мысль о том, что высшая цель жизни — в борьбе за экономическое и социальное блага, блага преходящие...»

Эта «душеспасительная литература» рекламирует церковные таинства. Так, например, «религиозно-семейный журнал» «Жизнь с богом», издающийся в Бельгии на русском языке, семь своих номеров посвятил семи христианским таинствам. Без этих таинств, говорится в журнале, человек — недостойный и окаянный раб, грешен, нечист, мерзостен, слеп и мертв, единственное спасение для него в «сладкой молитве и слезах», когда «и верится, и плачется, и так легко, легко...».

Православное духовенство придает исключительное значение совершению церковных таинств, называя их «альфой и омегой культа». Эмоциональность воздействия культа на сознание верующих особенно проявляется именно в этих таинствах — самых сильных проводниках религиозного чувства. Священники умеют создавать такое настроение, при котором человек становится рабом суеверий, верующим в силу обрядового колдовства. Это достигается, например, постом перед исповедью и причащением. Богословы считают, что «таинства являются преградой для рационализма» («Журнал Московской патриархии», 1972, № 4, с. 56).

Стремление удержать под своим влиянием верующих вынудило православную церковь пойти на некоторые изменения в отправлении культа, но существенных изменений в совершении таинств не произошло. Поместный со-

бор русской православной церкви 1971 года напомнил духовенству «о необходимости истово и благоговейно совершать... крещение и исповедь, причащение и соборование».

Как бы современное духовенство ни старалось спасти свой тонущий корабль веры, выбрасывая явно лишний балласт устаревших воззрений, оно не способно отказаться от антинаучных взглядов, составляющих основу всякой религии.

Как бы ни модернизировались христианские таинства, сущность их по-прежнему сводится к вере в «благодать святого духа», которая якобы с их помощью переходит к человеку. Таинства содержат в себе реакционную идею рабской зависимости человека — от колыбели до гроба — от сверхъестественных сил, не существующих в природе. Поэтому, как ни «обновляй» религиозный ритуал, он обречен на отмирание и неизбежно будет вытеснен советскими обрядами.

СОВЕТСКИЕ ОБРЯДЫ

Распространение научного материалистического мировоззрения, дальнейшее формирование и развитие советского образа жизни на основе роста экономики и повышения эффективности общественного производства будут способствовать окончательному преодолению религиозных предрассудков. В жизнь вступают новые поколения, которые свободны от всяких религиозных суеверий.

Сближение молодежи различных наций в нашей стране должно ускорить отмирание религиозной обрядности, тесно связанной с националистическими пережитками. По переписи 1970 года в нашей стране 7 918 502 смешанных брака.

Социалистическая гражданская обрядность вытесняет потребность у многих людей обращаться к церкви для

обрядового оформления важных событий в своей жизни. Она становится все более яркой, красочной и запоминающейся. Советские гражданские обряды ничего общего не имеют с религиозным культом. Они основываются на революционных, боевых и трудовых традициях нашего народа.

У колыбели советских праздников, обрядов и обычаев стояли в двадцатых годах В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Ем. Ярославский, П. А. Красиков, И. И. Скворцов-Степанов.

Население молодой Советской республики, освобожденное от гнета эксплуататоров, испытывало потребность в праздниках, обрядах и обычаях, которые отражали бы новые условия жизни, были свободны от религиозных традиций. В 1923 году Центральный Комитет Коммунистической партии принял решение об антирелигиозной пропаганде в деревне, в котором говорилось: «Против религиозной традиции, силы обычая, тысячелетних форм религиозного быта должны быть направлены специальные усилия в форме... отвлечения от культа путем организации культурных развлечений, сосредоточения внимания на пролетарских праздниках и торжествах... замены религиозных отправлений формами гражданского быта: как-то — религиозных праздников — гражданскими, производственными праздниками (например, праздник урожая, посева и т. д.), таинств — торжественными отправлениями гражданских актов с участием (при условии отказа от церковного ритуала) культурно-просветительных учреждений, как, например, гражданских похорон, панихид, брака, наречения имени и принятия в гражданство (запись рождения) и т. п.»[1].

---

[1] В кн.: В. И. Брудный. Обряды вчера и сегодня. М., 1968, с. 67.

Работа по созданию новых пролетарских праздников сложна, порой не лишена ошибок. Так, предлагалось ввести «красный ритуал», который должен бы был заменить религиозные обряды. Считали, что артисты, играя символические пьесы, создадут новый советский театрализованный культ, который войдет в быт советских людей.

Рекомендовали искать формы новой обрядности в Древней Греции. Вместо религиозных похорон предлагали создать драматическое действие на кладбище по типу древнегреческой трагедии с хорами, состоящими из девушек, одетых в белые одежды и с зелеными ветками в руках.

Эти пути оказались ошибочными. Все попытки создать «красный ритуал» искусственно или используя обычаи древнего мира были отброшены жизнью. Источником новых праздников, обрядов и обычаев советских людей не могло быть античное наследие или театрализация быта. В буржуазном обществе по мере его секуляризации возникли безрелигиозные праздники и ритуалы, обряды и обычаи, но они часто имели националистическое содержание. Некоторые сторонники буржуазного философа О. Конта, разработавшего «культ без бога» для Франции, накопившей опыт безрелигиозной обрядности в течение революции 1789 года, предлагали его для молодой России.

В нашей стране в 1923—1925 годах в ходе борьбы против церковных праздников и обрядов развивались новые формы советской бытовой обрядности: комсомольское рождество и пасха, октябрины, красные свадьбы и гражданские похороны. Во время октябрин на сцену клуба выходили молодые родители с ребенком. При этом присутствовали близкие и друзья, представители от партийной, комсомольской и профсоюзной организаций. Регистратор

загса оформлял запись, затем следовали поздравления, преподносились подарки от друзей и общественных организаций.

В 1926 году известный советский журналист Михаил Кольцов опубликовал в газете «Правда» фельетон «Мое преступление». Он рассказывал, что к нему в редакцию пришли два крестьянина, братья из Вологодской губернии, чтобы получить «список безбожной советской литургии для умерших честных беспартийных крестьян», «полный порядок красных октябрин и наименование революционных вождей для крестьянских младенцев на каждый день в году». Крестьяне жаловались, что «в сороковины, когда поминать, ни речей, ни песен не приготовлено», «нет советских отпеваний, красных поминок».

Красные свадьбы и октябрины, помогая вытеснить венчание и крестины, были антицерковными обрядами. Так же как комсомольское рождество или комсомольская пасха, они не могли получить широкого распространения. Эти антицерковные праздники и обряды носили антиклерикальный характер и не могли отражать всего богатства духовной жизни советского народа, его героических традиций, революционной борьбы и самоотверженного труда.

В феерической комедии «Клоп» В. Маяковский высмеял приспособленчество мещан к новому быту, их попытки опошлить идею гражданской обрядности. «Бывший рабочий, бывший партиец, ныне жених» Присыпкин — Пьер Скрипкин требует: «...чтобы была красная свадьба и никаких богов». Прихлебатель Баян так изображает ему красную свадьбу: «Невеста вылазит из кареты — красная невеста... вся красная,— упарилась, значит; ее выводит красный посаженый отец... он как раз мужчина тучный, красный, апоплексический,— вводят это вас красные ша-

фера, весь стол в красной ветчине и бутылки с красными головками... Красные гости кричат «горько, горько», и тут красная (уже супруга) протягивает вам красные-красные губки».

Коренные изменения условий жизни, происшедшие за годы Советской власти, привели к исчезновению многих старых нравов, обычаев, обрядов и традиций. В нашей стране большинство людей отказалось от религиозных праздников и обрядов. В быт советского народа прочно вошли международные революционные и общегосударственные праздники, отражающие его революционные, боевые и трудовые традиции. Вместо церковных святцев, в которых каждый день посвящен памяти какого-нибудь святого, возник новый календарь, в котором отмечены дни чествования людей трудовых и военных профессий, например металлурга, шахтера, химика, строителя, железнодорожника, учителя, врача, летчика, артиллериста, танкиста. Возникли народные празднества годового цикла природы (встреча и проводы зимы, праздник «Русской березки» и др.), праздники городов и улиц, школьные праздники.

В советском обществе сложилась система новых идейно и эмоционально насыщенных обрядов, отражающих труд, жизнь и быт строителей коммунизма: торжественно отмечается рождение ребенка, получение паспорта, проводы в Советскую Армию, вступление в брак, серебряная и золотая свадьбы. Инициатива партийных и общественных организаций на местах, работников загсов по созданию и развитию советской обрядности была одобрена и поддержана. Было рекомендовано местным Советам депутатов трудящихся предусматривать в проектах застройки городов и поселков строительство дворцов счастья; активнее использовать в этих целях дома культуры, установить (с учетом местных особенностей) поря-

док официальной части при регистрации ребенка, выдаче паспорта, бракосочетании и при других важных событиях в жизни советских людей.

Коммунистическая партия Советского Союза рассматривает борьбу с проявлениями буржуазной идеологии и морали, с остатками частнособственнической психологии, суеверий и предрассудков как составную часть работы по коммунистическому воспитанию. Партия призывает вести непримиримую борьбу против тенденций к идеализации прошлого, против нравов и обычаев, мешающих коммунистическому строительству.

В формировании нового быта, его обрядов и обычаев главным является то, что наиболее полно выражает революционные и трудовые устои советского общества.

Наш народ бережно хранит народные обычаи, не содержащие реакционных идей. Он не отказывается даже и от некоторых обычаев, когда-то имевших религиозный смысл, но давно потерявших его и продолжающих сохранять этическую и эстетическую ценность. Например, украшение елки в Новый год. Мы чокаемся бокалами, хотя этот обычай когда-то имел магическое значение. Он является трансформацией древнего «приобщения» — взаимного обмена кровью, наделяющей приобщающихся здоровьем и силой. Питье крови из одной чаши означало укрепление союза и братства. Пожелание здоровья чокающимся — пережиток обычая, согласно которому хозяин должен был первым отпить из чаши, в знак того, что вино не отравлено.

Подчас некоторые верующие, не понимающие принципиальной разницы между религиозной и светской обрядностью, говорят: разве портреты передовиков производства и новаторов техники, висящие в клубах, это не новые иконы; скульптуры героев Великой Отечественной

войны — разве не современные святые, а серп и молот — не та же святыня, что и крест? Такое сравнение ни на чем не основано. Прежде всего они посвящены людям, проявившим себя в труде и бою. И эти портреты, скульптуры, эмблемы никто не наделяет какой-либо сверхъестественной силой. К ним не прикасаются, чтобы получить «благодать», от них не ждут чудес. Без веры в сверхъестественное нет веры в святых, иконы, мощи и т. д. Многие древнерусские иконы, созданные замечательными художниками прошлого, ныне экспонирующиеся в музеях, воспринимаются нашими современниками лишь как памятники изобразительного искусства.

Современные веселые свадьбы и радостные вечера по случаю рождения ребенка ничего общего не имеют с верой в божественные «невидимые» силы. Это большое событие, и вполне оправдано желание отпраздновать его. У людей существует потребность в радостные и печальные дни своей жизни собираться вместе. Народ говорит: «Разделенная радость — двойная радость, разделенное горе — половина горя».

В стремлении ознаменовать торжественные моменты жизни людей народ никогда не ограничивался церковными обрядами. У крестьян были свои, например, свадьбы. В 1923 году Государственный экспериментальный театр поставил в Петрограде «Обряд русской народной свадьбы». Сейчас зрители с живым интересом смотрят на старинную крестьянскую свадьбу в исполнении русского народного хора имени Пятницкого. Воронежского русского народного хора или на сельскую украинскую свадьбу, если ее показывают театральные коллективы народной самодеятельности. Однако эта «свадебная игра» не пригодна в целом для современных людей, как обряд бракосочетания.

Многие из старых обычаев требуют внимательного

изучения. Известен, например, обычай давать новорожденному крестных отца и мать. Он отражал мысль, что за судьбу ребенка несут ответственность не только его родители, но родственники. Возможно, что его следует восстановить в новой форме. Приглашенные для этой цели люди будут отвечать за судьбу ребенка, но не перед богом, а перед своей совестью, перед общественностью. Очевидно, стоит пристально приглядеться и к старым народным свадебным традициям, отобрав из них рациональное и полезное. Так, народный опыт показывает, что обыкновенно к свадьбам готовятся довольно продолжительное время. Поэтому между помолвкой и утверждением брака должно пройти не менее трех месяцев, а может, и полугода. Тогда молодые будут располагать известным временем для проверки серьезности своего намерения и своей подготовленности к семейной жизни.

Советские люди заботливо сохраняют действительно народное, но решительно выбрасывают все, что является вредным, отсталым, реакционным. Формирование новых праздников, обрядов и обычаев — очень длительный и сложный процесс. Нередко под видом сохранения и отбора старых народных традиций кое-где предлагают внедрять в социалистический быт то, что ему органически чуждо. Так, в некоторых наших восточных республиках были попытки выдать за прогрессивные национальные традиции калым, многоженство, кровную месть и т. д. В Баку устраивались пышные свадьбы с шумными кортежами сигналящих автомашин по ночным улицам, с демонстрацией приданого и подарков.

Коммунистическое воспитание трудящихся означает преодоление старых навыков и привычек, традиций и предрассудков, унаследованных от эксплуататорского общества. Изживание старых форм быта и создание новых навыков и привычек, обычаев и традиций происходит

постепенно, они вырастают из глубины народной жизни. При решении вопроса о восстановлении или поддержке каких-либо традиций следует помнить, что далеко не все, что широко распространено в народе, является действительно народным, передовым и прогрессивным.

На Украине под Новый год группы молодежи расхаживали по домам с вифлеемской звездой, распевая так называемые «щедривки», поздравляя хозяев и выпрашивая у них подарки. Непонятно, для чего советским людям следует имитировать форму языческих обрядов. На Полтавщине связали праздник советской молодежи с древнеязыческим праздником Купалы, когда прыгают юноши через костры, девушки гадают на венках, пуская их в воду. Очевидно, нет никакой необходимости воскрешать этот праздник. Воспитывать нашу молодежь следует не на дохристианских языческих праздниках, обрядах и обычаях, хотя бы и утративших сейчас религиозно-магическое содержание, а прежде всего на революционных, боевых и трудовых традициях, рожденных советской жизнью, сложившихся в условиях социализма, отражающих дух нашей эпохи, мобилизующих на трудовые подвиги, пробуждающих благородные чувства патриотизма и интернационализма.

«Религия дает человеку идеал,— писал Ленин.— Человеку нужен идеал, но человеческий, соответствующий природе, а не сверхъестественный»[1].

Новые обряды и обычаи, возникающие в советском обществе, отражают принципы коммунистической морали, любовь к социалистической Родине и труду, дружбу и товарищество, гуманность и честность. Новые гражданские обряды и обычаи глубоко интернациональны.

В 9-й статье «Основ законодательства Союза ССР и

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 56.

союзных республик о браке и семье» указывается, что каждая молодая пара или родители новорожденного имеют право заключить брак или зарегистрировать новорожденного в торжественной обстановке.

1 ноября 1959 года в Ленинграде в бывшем княжеском особняке на набережной Красного флота был открыт первый в Советском Союзе Дворец бракосочетания. У подъезда дворца всегда дежурят свадебные автомашины: по обеим сторонам кузова — по два золотых кольца, на флагштоках — разноцветные флажки, эмблемы юности и счастья. Молодожены поднимаются по мраморной лестнице, устланной мягкими красивыми коврами. Раздаются звуки торжественного свадебного гимна. После регистрации депутат городского Совета вручает жениху и невесте голубую книжечку — свидетельство о браке. В гостиной за праздничным столом, поднимая бокалы шампанского, друзья желают счастья новобрачным.

— Знаете, что больше всего оставило у меня впечатлений? — сказал один англиканский священник после посещения нашей страны.— Это свадебный дворец в Ленинграде! Великолепно! Это лучше, чем в церкви. К сожалению,— грустно сострил он,— в нашу церковь многие ходят только два раза в жизни: когда женятся и когда умирают.

Опыт ленинградцев получил всеобщее признание и быстро распространился по стране. Дворцы бракосочетаний созданы в Москве, Киеве и других городах. В 1970 году таких дворцов бракосочетания насчитывалось уже около 600. В 1975 году в Ленинграде фирма «Невские зори» открыла зал свадебных торжеств, который взял на себя организацию свадебного застолья. Для этого создана целая труппа: чтецы, певцы, кукольники, есть свой оркестр, киногруппа, массовики и т. д.

Свадебная обрядность еще не получила повсеместно единой формы. В Белоруссии молодые люди, прежде чем подать заявление в загс, о своем решении стать мужем и женой сообщают родным и знакомым. На Украине обряд бракосочетания включает возложение цветов к подножию памятника В. И. Ленину и на могилу павших героев. В Волгограде молодожены возлагают цветы к Вечному огню на Мамаевом кургане, в Казани идут фотографироваться к памятнику Мусы Джалиля. В Горьковском доме бракосочетания на память молодым дарят цветы, фотографии, магнитофонную ленту с записью брачного церемониала. В Закарпатье новобрачным преподносится медяник — большой свадебный калач.

У многих народов огонь — символ свадебного торжества. Об этом вспоминает Р. Гамзатов в «Сонетах»:

Обычай старый есть в горах у нас:
Коль провожают замуж дочь родную,
Чтоб род ее навеки не угас,
Вручают ей лучину смоляную.

В Прибалтийских республиках вступающие в брак зажигают свадебный факел в обрядовом зале от чаши, в которой горит Вечный огонь. Не церковные свечи и лампады — жертва, назначение которой умилостивить бога, а огонь факела в символической форме напоминает о долге оберегать и защищать Родину.

С конца 1963 года в Ленинграде началась торжественная регистрация новорожденных сначала во Дворце бракосочетания в отведенные для этой цели дни, а с 1964 года во дворце «Малютка» и во всех дворцах и домах культуры. При церемонии регистрации рождения и наречении ребенка именем депутат городского Совета вручает родителям гербовое свидетельство о рождении, памятную медаль и поздравительное письмо городского Совета депу-

татов трудящихся. На памятной медали выгравирована дата рождения и надпись: «Родившемуся (или родившейся) в Ленинграде». Родственники и друзья поздравляют родителей, дарят им цветы. Во дворце супруги, прежде чем назвать сына или дочку, могут познакомиться с русским именословом. Во многих домах культуры во время торжественного наречения имени в честь нового гражданина СССР исполняется Гимн Советского Союза. Нашло поддержку предложение о торжественной посадке деревьев в дни рождения детей. Адыгейский поэт Киримизе Жане в стихотворении «У нас такой обычай» пишет:

Если дочка родилась или сын,
Нашей славной страны гражданин,
Ты прижми его нежно к груди,
А в саду деревцо посади...

В некоторых городах благодаря таким посадкам создан «парк семейного счастья».

Исполком Ленгорсовета одобрил и утвердил процедуру нового гражданского обряда — серебряной и золотой свадеб. Теперь все желающие поздравить своих родных и товарищей с 25- или 50-летием супружеской жизни могут сделать это во Дворце бракосочетания. Фамилии юбиляров заносятся в «серебряную» книгу города. Юбилярам вручается поздравление Исполкома депутатов трудящихся. Так от рождения до золотой свадьбы отмечают ленинградцы в праздничной и торжественной обстановке события в своей жизни.

На Украине при Президиуме Верховного Совета есть центр по внедрению современных обычаев, ритуалов, празднеств. Большое внимание вопросам советской гражданской обрядности уделяется в республиках Прибалтики, Средней Азии.

Распространение советской обрядности происходит

в борьбе с религиозными и националистическими пережитками, с рецидивами мещанской психологии. Искоренение религиозных обрядов возможно не в результате их запрещения, что способствовало бы только усилению фанатизма, тайного их отправления, а путем замены системы религиозной обрядности системой советской обрядности. Но этого одного еще мало. Известны случаи сочетания гражданских и религиозных обрядов, когда, например, после торжественного имянаречения своего ребенка в Доме культуры родители отправлялись крестить его в церковь.

Мещанские пережитки иногда проявляются в стремлении устраивать многодневную свадьбу, широко, по-купечески, с приглашением «свадебных генералов», с чрезмерным числом гостей. Одна молодая семья после такого свадебного бала с грустью подсчитала, что, если не помогут родители, она сможет погасить образовавшийся долг где-то к серебряной свадьбе.

Надеяться только на стихийный процесс формирования традиций нельзя. Участие клубных работников в создании новой обрядности в принципе необходимо приветствовать. Обряды никогда не возникали сами собой, их кто-то сознательно создавал и регламентировал. Первоначально многое в обрядности было творчеством определенных безымянных лиц, а в ходе коллективного усвоения этой обрядности она дополнялась и шлифовалась.

Без наших общественных организаций не было бы ни дворцов бракосочетания, ни празднеств, посвященных вручению паспорта, поступлению молодежи на завод и т. д. Можно не сомневаться, что они будут все шире и прочнее входить в жизнь советской молодежи. Сотни тысяч людей уже справляли новый обряд торжественной регистрации брака и имянаречения новорожденных.

Инициатива создания новых обрядов и обычаев у нас

всячески поддерживается. Этим творчеством масс руководит Коммунистическая партия. Советские обряды и обычаи, войдя в нашу жизнь и будучи признаны самим народом, окажут большую помощь в этическом и эстетическом воспитании подрастающего поколения[1]. А религиозная обрядность неизбежно полностью исчезнет. Советскому человеку, освободившемуся от рабства и эксплуатации, вооруженному достижениями передовой науки, чужды и не нужны христианские таинства.

---

[1] См. новейшую литературу: В. А. Руднев. Советские обычаи и обряды. Л., 1974; Д. М. Угринович. Обряды за и против. М., 1975; Праздники, обряды, торжества. М., 1975; Л. Зеленов и М. Лавров. Эстетика гражданского обряда. Горький, 1975; Т. Кузьмина и Е. Маслов. Праздникам и обычаям — новое социалистическое содержание. М., 1975; Праздники, обряды, традиции. М., 1976; И. В. Суханов. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. И. Емелях

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ
ТАИНСТВ

Редактор М. Г. Пожидаева
Художник И. М. Гирель
Художественный редактор В. В. Щукина
Технический редактор Л. Б. Чуева
Корректор Л. В. Конкина

ИБ № 664

Сд. в наб. 19/V-77 г. Подп. к печ. 3/X-77 г. Форм. бум. 70×108$^1/_{32}$. Физ. печ. л. 4,0. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 5,27. Изд. инд. НА-49. А07136. Тираж 50 000 экз. Цена 20 коп. Бум. № 1 типогр. Зак. № 231.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

Издательство

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Вышла в свет книга:

Белов А. «Когда звонят колокола».

Книга посвящена одной из актуальных проблем современной атеистической пропаганды — борьбе с религиозными праздниками, все еще имеющими широкое распространение, особенно в сельских местностях. Автор делает попытку систематизировать религиозные праздники, дать их общий обзор, а также раскрыть сущность главных христианских праздников.

Книга рассчитана на широкие круги читателей. Вызовет она также большой интерес у агитаторов и пропагандистов.

20 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ